АВТОБІОГРАФІЯ
СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА
М. Е. ЛАВРОВА.

ВЛАДИМІРЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1900.

АВТОБІОГРАФІЯ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

М. Е. ЛАВРОВА.

ВЛАДИМІРЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 30 августа 1900 года.

Автобіографія покойнаго о. Лаврова богата свѣдѣніями, рисующими, съ одной стороны, школьную жизнь въ 50—60-хъ годахъ, а съ другой—бытъ сельскаго духовенства за цѣлое почти полустолѣтіе;—все сообщаемое въ этой автобіографіи еще мало извѣстно въ обществѣ, и потому обнародованіе рукописи, сообщенной намъ сыномъ автора, Евг. М. Лавровымъ, мы считаемъ далеко не лишнимъ.

Печатается автобіографія безъ всякихъ существенныхъ измѣненій,—было признано необходимымъ сдѣлать только нѣкоторыя сокращенія въ обозначеніи собственныхъ именъ.

Оттиски изъ №№ 24, 25, 26, 27 и 28 за 1900 г.
„Владимір. Губерн. Вѣдом."

АВТОБІОГРАФІЯ
СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА,
М. Е. Лаврова († 1885 г.).

Родился я 6-го генваря 1839 года въ селѣ Торкахъ, Суздальскаго уѣзда, отъ пономаря того села Еѳима Яковлевича Лаврова и Анны Артемьевны. Родители мои были люди бѣдные и многосемейные, а приходъ одинъ изъ бѣдныхъ и, въ добавокъ, священники того села были люди слабые (священникомъ былъ зять моего отца о. Михаилъ Герасимовичъ Алякринскій, а потомъ зять о. Михаила—о. Іоаннъ Устиновичъ Виноградовъ [1]), а потому и доходы были самые пустяшные. Тяжела была жизнь моимъ родителямъ, особенно когда насъ двое стали учиться въ Суздальскомъ училищѣ, но они не отчаявались, а послѣднія крохи собирали и доставляли намъ необходимое. Спасибо имъ!... При такой бѣдственной обстановкѣ я учился, кончилъ курсъ

---

[1]) Свящ. Алякринскій, будучи заштатомъ съ 1858 г., умеръ въ 1861 г., а зять его, съ 1858 г., свящ. Виноградовъ умеръ въ 1880 году.

Семинаріи и произведенъ во священника. И вотъ, какъ моя жизнь текла—разскажу, что упомню, по порядку.

1. Жизнь моя до 7-лѣтняго возраста.

Эта младенческая жизнь моя, насколько помню, была самая пріятная и блаженная. Я, какъ первенецъ у родителей, былъ любимцемъ ихъ; меня любили и всѣ родственники отца и матери, особенно же матери, такъ что я больше находился у нихъ, чѣмъ дома, и къ нимъ очень привыкъ, но родственниковъ отца я очень не смѣлъ, и бѣда моя была, если мнѣ приходилось когда быть у нихъ въ гостяхъ; я у нихъ былъ какъ-то не въ своей тарелкѣ, что называется.

Друзьями и пріятелями моей младенческой жизни были крестьянскія дѣти села Торокъ: Михаилъ Созоновъ, Дмитрій Зеленинъ, Антонъ Быковъ и Никифоръ Сетровъ, а самымъ близкимъ и задушевнымъ моимъ товарищемъ былъ отставного фельдфебеля Ивана Алексѣева сынъ Адріанъ, котораго мать была дочерью дьячка села Иванькова, а моя мать—дочь пономаря того же села. Адріанъ былъ нрава тихаго, скромнаго и онъ во всю жизнь мою до поступленія во священники былъ моимъ задушевнымъ другомъ, съ которымъ я любилъ проводить наединѣ каникулярное время. Мы были какъ бы одного характера, не любили ходить на гулянья, а любимая наша прогулка была въ полѣ, а занятіе—чтеніе книгъ и душеспасительные разговоры.

2. Жизнь моя отъ 7 лѣтъ до 10, до поступленія въ училище.

Когда исполнилось мнѣ 7 лѣтъ, родители задумали обучить меня грамотѣ. Родитель мой не былъ способенъ къ этому занятію и попросилъ свояка своего, а моего дядю, села Иванькова пономаря Ѳеодора Ивановича Добронравова обучить меня читать и писать. Тяжела моя жизнь была, доколѣ я учился у него. Учитель мой былъ старинныхъ правилъ; о звуковомъ методѣ въ то время и понятія не имѣли. На первыхъ порахъ засадилъ онъ меня за азбуку. Цѣлый день съ утра до темной ночи и даже вечеромъ поздно все я твердилъ *азы* и это затверживаніе продолжалось нѣсколько дней, которые казались мнѣ годами. Наконецъ я одолѣлъ *азы* и принялся за двойные: *ба*, *ва*, *га* и т. д. Ходомъ я пошелъ по этимъ двойнымъ, только безъ малѣйшаго понятія о нихъ, и учитель мой не въ состояніи былъ растолковать мнѣ мое бормотанье и приложить его къ дѣлу. Машина была устроена и только какъ заведутъ ее, пошла писать. Принялись за склады: *Азъ земля ер-съ — азъ*. Долго я бился, но наконецъ добился до того, что всю эту хитрую страничку наизусть выучилъ, конечно опять безъ всякаго понятія объ выученномъ. Принялся учить подъ титлами: А. Аг҃лъ Аг҃лскій; эти страницы азбуки были, такъ думаю, въ тысячу кратъ труднѣе египетской работы. Но и это побѣдилъ и выучилъ наизусть, какъ свои пять паль-

цевъ. Началъ учить *оксію исо варію*.... и не зналъ я—что это такое, и самъ премудрый учитель не могъ растолковать мнѣ эту мудрость. Наконецъ выучилъ и азбуку. Слава Богу! Принесли мнѣ часовникъ, раскрыли передо мною его, и я хоть бы слово могъ разобрать въ немъ; темнымъ лѣсомъ показался онъ мнѣ. Выучилъ и часовникъ, раскрыли передо мной Псалтирь, я и въ ней затруднился; очень хитра она мнѣ показалась, но механика взяла свое, я началъ читать уже *безъ складовъ*, какъ прежде въ азбукѣ и часовникѣ, а *толкомъ*.—Уча псалтирь, меня принялись учить писать; учителемъ письма былъ мой родной дядя по матери, бывшій тогда семинаристомъ, а теперь діакономъ села Ярышева Суздальскаго уѣзда близъ посада, Дмитрій Артемьевичъ Бѣляевъ. Онъ во время вакаціи и выучилъ меня мало-мальски владѣть перомъ и чертить разнаго рода каракули—элементы буквъ и заставилъ меня учить Священную Исторію наизусть. Благодаря Бога, я обладалъ довольно порядочною памятью и выучилъ наизусть болѣе половины Исторіи, опять конечно безъ понятія. Нужно сказать, въ то время и въ училищахъ преподавалось ученіе безтолково, механически. Моими механическими успѣхами утѣшались учителя, а болѣе всего родители.

Наука такъ надоѣла мнѣ и омерзѣла, что я не зналъ какъ дождаться бывало когда отпустятъ меня изъ Иванькова въ Торки, и радъ-радъ когда пойду домой, и я ужъ не иду, а просто лечу; за то обратно

изъ Торокъ съ большими слезами и съ болью въ сердцѣ возвращаюсь къ учителю. Не забуду я случай, какъ я горячо, среди дороги отъ Иванькова въ Торки (въ 5 верстахъ разстояніе), со слезами на колѣнахъ взмолился Богу. О чемъ вы думаете? А вотъ о чемъ, чтобы Иваньково сгорѣло.... Вотъ какъ оно насолѣло мнѣ. Письмомъ и Исторіей закончилось мое домашнее образованіе; я сталъ готовиться къ поступленію въ Суздальское Духовное Училище. Это было въ 1848 году.

3. Жизнь моя въ Суздальскомъ Духовномъ Училищѣ съ 1848 по 1854 г.

Въ Торкахъ у священника о. Михаила былъ сынъ, и сынъ единственный, Иванъ, мнѣ двоюродный братъ, и у дьячка Дмитрія Васильевича Широкогорова былъ сынъ тоже Иванъ. Эти два Ивана уже учились въ Суздальскомъ училищѣ и учились очень плохо. Во время вакаціи, послѣ которой я уже былъ опредѣленъ въ училище, эти Иваны такихъ страховъ наговорили мнѣ объ училищѣ, что я боялся его какъ медвѣдя.

Наконецъ насталъ часъ ѣхать въ Суздаль: родители мои поплакали, какъ водится, просили меня учиться хорошенько и повезли; я же не знаю и самъ почему не выронилъ изъ глазъ ни слезки, меня что-то интересовалъ Суздаль. Пріѣхали въ Суздаль; отецъ мой отправился со мной къ соборному псаломщику—пьяницѣ, по умному, написать

къ Смотрителю [1]) прошеніе о принятіи меня въ училище. Принялся онъ писать, но я по обычаю своему сталъ чертить пальцемъ по лавкѣ, какъ бы писать, а онъ, замѣтивъ это, сказалъ: «ну, видно, этотъ будетъ писака». По прошенію принятъ я въ училище и отецъ меня поставилъ на квартиру къ Пятницкому дьячку Еѳиму Абрамовичу Архангельскому.

Не легко мнѣ было на первыхъ порахъ свыкаться съ семинарскою жизнію, но время свое беретъ. Я нашелъ себѣ въ новой семьѣ друга—это ученика низшаго отдѣленія Никиту Левитскаго—дьяконова сына изъ села Кибергина. Онъ былъ такой добрый, я полюбилъ его какъ родного брата, съ нимъ спалъ вмѣстѣ на одномъ войлокѣ и подъ однимъ одѣяломъ. Старшими товарищами по квартирѣ были: Артемій Малининъ, нынѣ села Елецъ, Юрьевскаго уѣзда, священникъ, Александръ Архангельскій, нынѣ священникъ села Теньковъ тогожъ уѣзда, Михаилъ и Василій Виноградовы села Тетерина священническіе дѣти. Михаилъ, исключенный изъ низшаго отдѣленія училища, нынѣ Іеромонахъ Боголюбова монастыря, а Василій, исключенный же изъ высшаго отдѣленія, поступилъ въ свѣтъ. Матеріальная обстановка моя была скудненька.

Въ первый разъ являюсь я въ училище, переступаю порогъ 1-го класса и сажусь за столъ.

---

[1]) Смотрителемъ тогда былъ Іеромонахъ Амфилохій (кандидатъ Академіи, послѣ епископъ Угличскій; сконч. въ 1893 году), Инспекторомъ—кандидатъ же Академіи Павелъ Ивановичъ Цвѣтковъ (умеръ въ 1852 г.), а Помощникомъ Инспектора Алексѣй Васильевичъ Чижовъ (студентъ Семинаріи).

Родичи мои Иванъ Лавровъ и Иванъ Широкогоровъ, какъ уже обпатурившіеся ученики, пришли ко мнѣ въ классъ и посадили меня самовольно за первымъ столомъ. 2-го класса учитель во время вакаціи отъ холеры померъ и мѣсто его заступилъ учитель 1-го класса о. Андрей Ив. Виноградовъ [1]), а мѣсто учителя 1-го класса было вакантное, а потому за неимѣніемъ учителя мы всѣ, поступившіе въ 1-й классъ, сидѣли во 2-мъ классѣ со второклассниками, въ числѣ коихъ нашелся мнѣ двоюродный братъ, села Парши священническій сынъ, Николай Лавровъ, съ которымъ я почти и незнакомъ былъ прежде. Онъ обласкалъ меня и питалъ ко мнѣ родственную дружбу. Учителемъ 2-го класса былъ священникъ Козьмодемьянской церкви о. Андрей Ивановичъ Виноградовъ. Не болѣе двухъ—трехъ недѣль прошло, какъ въ 1-й классъ прислали учителя Студента Семинаріи Александра Васильевича Невскаго. Мы первоклассники отдѣлились отъ второклассниковъ и перешли въ свой классъ къ новому учителю. Учитель былъ изъ умныхъ; пошло наше ученіе своимъ чередомъ.

Окончили первую самую трудную и долгую треть рождественскую, отпустили насъ домой на Рождество Христово. Съ какимъ восторгомъ я отправлялся домой, и описать не могу. Пріѣзжаю домой, меня встрѣчаетъ мать, братья младшіе: Иванъ, нынѣ дьячекъ села Крапивья, и Дмитрій, умершій

---

[1]) Умеръ 18 апр. 1860 г.

уже. Какъ мнѣ все было пріятно и интересно дома. Явились ко мнѣ мои друзья крестьянскія дѣти и первый явился душевный мой другъ Адріанъ. Поповичъ и дьячковъ сынъ предо мной гордились и не хотѣли со мной ничѣмъ заняться, даже играми.

Прошло, или лучше, пролетѣло это дорогое и пріятное домашнее время, настала минута ѣхать опять въ училище. Сердце замерло, но предчувствовалъ я нѣкотораго рода отраду, что и оправдалось на самомъ дѣлѣ. Явившись въ первый разъ въ классъ послѣ Рождества Христова, мы выслушали пересадный списокъ, гдѣ я записанъ подъ 1-мъ №. Этотъ успѣхъ моего ученія очень обрадовалъ бѣдныхъ моихъ родителей, и они еще болѣе полюбили меня, жалѣли меня заставлять что либо дѣлать, что́ много повредило моему физическому здоровью впослѣдствіи. Они такъ и думали, что я буду священникомъ и мыслили, что работа для священника излишнее дѣло, въ чемъ много ошиблись; меня же самого успѣхъ ученія много ободрилъ и я сталъ поживѣе и смѣлѣе; для моихъ же родичей Ивана Лаврова и Ивана Широкогорова мой успѣхъ былъ ножъ острый въ сердце; такъ думаю потому, что они, не знаю за какую вину, пришли ко мнѣ въ классъ и высѣкли меня какъ хотѣли. Самоуправство въ тогдашнее время со стороны учениковъ высшаго класса надъ маленькими было въ ходу. Конечно я тогда поплакалъ,—и все...

Не забуду я любовь ко мнѣ учителя Александра

Васильевича Невскаго [1]). Однажды онъ, учитель, велѣлъ мнѣ придти къ нему въ квартиру вечеромъ. Квартира его, въ домѣ Ал. Ив. Сарментова противъ самаго училища, была довольно далеко отъ нашей квартиры; я за обязанность считалъ исполнить приказъ своего учителя; иду, но не знаю зачѣмъ, иду и боюсь, но вмѣстѣ и разсуждаю, что я ни въ чемъ не виноватъ предъ нимъ, слѣдовательно нечего бояться. Прихожу въ квартиру въ долгомъ тяжеломъ тулупѣ; порогъ его квартиры былъ высокій, и я, запутавшись въ тулупѣ, упалъ черезъ порогъ и довольно сконфузился. Учитель съ хозяиномъ пьютъ чай [2]) и меня посадили, обласкали меня, напоили меня чаемъ, дали мнѣ два большихъ кренделя и съ миромъ отпустили, приказавъ дѣвицѣ проводить меня до квартиры. Я, пивши чай въ тулупѣ, очень вспотѣлъ; поднялась въ тотъ вечеръ сильная погода, и я дорогой простудился, утромъ у меня высыпала на лицѣ и тѣлѣ сыпь.

---

[1]) А. В. Невскій въ 1859 г. былъ опредѣленъ священникомъ въ с. Пестяки, Гороховецкаго уѣзда, и тамъ скончался въ 1872 году.

[2]) Чай для меня былъ рѣдкость по бѣдности родителей и родственниковъ. Разскажу курьезный случай. Какъ-то во время вакаціи я съ братомъ Иваномъ, посѣщая родныхъ, пришелъ въ село Иваньково къ дядѣ, своему первому учителю, а тетка намъ была крестной. Они сѣнокосили. Поздоровались, крестна и посылаетъ насъ домой, велитъ намъ тамъ напиться чаю, который у ней заваренъ въ горшкѣ и грѣлся въ печкѣ. Пришли; нашли чай въ горшкѣ и сахаръ, но чашекъ не могли найти, да ихъ и не было; принялись мы хлебать его ложками и выхлебали. Приходитъ крестна и спрашиваетъ: „пили ли чай?“ Я отвѣтилъ: „пили, только что-то отъ чаю рѣпой пахло“,—говорю я; въ рѣпномъ горшкѣ заварили чай-то. Вотъ какъ жилось бывало!

Этотъ же учитель нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ на квартиру, но не знаю почему мнѣ не пришлось сойти къ нему. Эти два факта свидѣтельствуютъ, что я былъ любимымъ ученикомъ его.

Прошелъ учебный годъ, насталъ публичный экзаменъ и я награжденъ былъ книгою за успѣхи и благонравіе и переведенъ во 2-й классъ подъ 1-мъ №. Такіе успѣхи и книга отъ Начальства привели въ восторгъ моихъ родителей. Вакація проведена была весело. Насталъ другой годъ моего ученія, 1849. Во 2 классѣ, въ который я не безъ трепета вступилъ, пошла другая обстановка и новый учитель священникъ Андрей Ивановичъ Виноградовъ. Онъ былъ человѣкъ строгій и мы довольно боялись его. И во 2-мъ классѣ я учился также какъ и въ 1-мъ и опять я переведенъ въ низшее отдѣленіе подъ 1 № и награжденъ на публичномъ экзаменѣ книгой, и тоже былъ любимымъ ученикомъ и этого учителя. Дьяческій сынъ Иванъ Широкогоровъ былъ исключенъ изъ высшаго отдѣленія, а Иванъ Лавровъ былъ оставленъ въ высшемъ отдѣленіи на повторительный курсъ.

Съ 1850 года я сталъ учиться въ низшемъ отдѣленіи. Учителями этого отдѣленія были: Алексѣй Васильевичъ Чижовъ по Латинскому языку и Ариѳметикѣ, а по Греческому языку, Катихизису, церковному уставу и нотному пѣнію бывшій учитель 2-го класса свящ. Андр. Ив. Виноградовъ, переведенный въ низшее отдѣленіе на мѣсто уволеннаго отъ должности учителя соборнаго священника

Косьмы Ивановича Смирнова. Ученіе въ низшемъ отдѣленіи было довольно трудно. Здѣсь преподавались и Латинскій съ Греческимъ языки и Ариѳметика, тѣмъ болѣе трудно, что я былъ изъ числа такъ называемыхъ младшихъ, такъ какъ я былъ отданъ въ училище въ курсъ и я проучился въ низшемъ отдѣленіи только два года, а кто былъ отданъ не въ курсъ, тотъ учился три года. И такъ я нагналъ своего родственника двоюроднаго брата Николая Лаврова въ низшемъ отдѣленіи. Въ первый годъ мы младшіе робѣли передъ старшими, но по прошествіи года насъ всѣхъ перетасовали и составили одинъ списокъ, гдѣ я оказался подъ 2 №.

Въ послѣдній годъ моего ученія въ низшемъ отдѣленіи учитель священникъ о. Андрей Ивановичъ Виноградовъ велѣлъ мнѣ ходить къ нему каждый вечеръ для занятія съ его сыномъ Петромъ Виноградовымъ, который теперь въ Университетѣ Профессоромъ [1]). Въ это время жизнь моя была самая хорошая. Выучивши свой урокъ, отправляюсь я къ учителю на кондицію, гдѣ пью чай и ужинаю и въ добавокъ ко всему этому получаю въ награду двѣ или три копѣйки. Въ тогдашнее время это было верхъ счастія.

Проучившись два года въ низшемъ отдѣленіи, въ 1852 году я переведенъ въ высшее отдѣленіе

---

[1]) П. А. Виноградовъ, по окончаніи курса въ Москов. Университетѣ въ 1869 г., былъ учителемъ, а теперь инспекторъ 3-й Москов. гимназіи; ни доцентомъ, ни профессоромъ Университета не былъ.

подъ 2 № и награжденъ книгою на публичномъ экзаменѣ, а священническій сынъ Иванъ Лавровъ былъ исключенъ изъ высшаго отдѣленія послѣ повторительнаго курса. Не забуду я какъ мнѣ завидно было на него, когда ему изъ дома пришлютъ сдобныхъ пшеничныхъ лепешекъ, а мнѣ только ситниковъ. Хочется, хочется поѣсть сдобной лепешечки, а онъ не даетъ, скупъ былъ. Онъ нѣсколько времени стоялъ со мной на квартирѣ и я однажды удостоенъ былъ отъ него пожертвованіемъ сдобной лепешки за уходъ мой за нимъ, какъ больнымъ.

Перешелъ я въ 1852 г. въ высшее отдѣленіе. Здѣсь опять все новое и предметы и учителя. Смотритель Іеромонахъ Амфилохій произведенъ былъ въ санъ Архимандрита и назначенъ въ Борисоглѣбское Ростовское училище въ Настоятеля монастыря и Смотрителя училища. Инспекторъ нашъ Павелъ Ивановичъ Цвѣтковъ померъ, и было у насъ въ училищѣ безначаліе. На должность Смотрителя присланъ къ намъ Магистръ Академіи Евгеній Ѳедоровичъ Срѣтенскій, человѣкъ умный и дѣльный. Во время его смотрительства Суздальское училище, бывшее въ поношеніи у всѣхъ, какъ бывало въ древности г. Назаретъ, процвѣло и пошло впередъ. При немъ ученіе совсѣмъ перемѣнилось, онъ сталъ требовать отъ учениковъ не буквальнаго зазубриванія уроковъ, а сознательнаго и разумнаго знанія. Вмѣсто Инспектора Цвѣткова тоже поступилъ Кандидатъ Академіи Иванъ Кузьмичъ Кузнецовъ. Завелась при нихъ при училищѣ библіотека, изъ ко-

торой стали намъ выдавать книги для чтенія и требовать результата чтенія. Учился я и въ этомъ отдѣленіи хорошо, только мнѣ было гораздо потруднѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ со мной уже учился братъ мой Иванъ, о которомъ я имѣлъ большое попеченіе. Квартировалъ я во всѣ пять лѣтъ на одной квартирѣ у вышеозначеннаго дьячка Ѳоима Абрамовича Архангельскаго, но на послѣднемъ году моего ученія въ Суздалѣ я перешелъ на квартиру къ Пятницкому діакову Василію Кузьмичу Лепорскому.

Ученье шло своимъ чередомъ. Въ концѣ учебнаго курсоваго 185³/₄ года донесся изъ Владиміра слухъ, что въ наше училище пріѣдетъ ревизоръ. Но кто? Неизвѣстно. Ужасно боялись мы Сердцева [1]) да Ж... (профессора Семинаріи, отличавшіеся строгостію): сердце замирало у насъ отъ нихъ. Вдругъ получаемъ вѣрное извѣстіе, что въ наше училище назначенъ ревизоромъ Ректоръ Владимірскаго училища Каѳедральный Протоіерей Ѳедоръ Михайловичъ Надеждинъ [2]), человѣкъ добрый и снисходительный. Отлегло у насъ на сердцѣ, мы встрепенулись и стали спокойно ждать къ себѣ ревизора, утѣшаясь тѣмъ, что послѣ вакаціи не будетъ намъ экзамена въ Семинаріи, а это ужасно тягостно для учениковъ. Въ концѣ іюня пріѣзжаетъ къ намъ давно

---

[1]) Іосифъ Трофимовичъ Сердцевъ (род. въ 1812 г.) былъ преподавателемъ Владимірск. семинаріи до 1864 г.; скончался въ Москвѣ, будучи протоіереемъ, въ 1884 году.

[2]) Умеръ въ 1876 г.

ожидаемый ревизоръ. Сердце екнуло, но не смутилось. Начались экзамены. Ревизоръ обращался съ нами ласково и мы полюбили его какъ отца своего, безъ страха шли къ столику экзаменаторскому. На всѣхъ экзаменахъ мнѣ пришлось отвѣтить хорошо.

Экзамены кончились, ревизоръ уѣхалъ; начальство наше занялось приготовленіемъ къ публичному экзамену. Лучшимъ ученикамъ всѣхъ классовъ дали разнаго рода уроки или статейки для публичнаго испытанія. Мнѣ тоже, какъ лучшему ученику, дано изъ русскаго языка приготовить стихотворенія: «Что ты спишь мужичекъ»; «Ну, тащися Сивка»,—(Кольцова); «Квартетъ» (Крылова) и «Сиротка». Не было у насъ заботы о казенныхъ урокахъ, одна забота—получше выучить статейки и отличиться на экзаменѣ. Учителя и Смотритель обращались съ нами ласково, подъ часъ и шутили (что въ наше время считалось рѣдкостью); мы ходили къ нимъ для репетицій. Наконецъ желанное время—публичный экзаменъ наступилъ. Все наше начальство явилось въ формѣ и на экзаменъ прибыли о. Архимандритъ Спасскаго монастыря Амвросій, г. Городничій и нѣкоторые свѣтскіе аристократы г. Суздаля; не мало было и духовенства, интересовавшагося экзаменомъ. О. Архимандритъ предсѣдательствовалъ. Вызванъ былъ и я для прочтенія стихотвореній. Обладая даромъ произношенія, я, читая стихотворенія, заинтересовалъ всѣхъ и г. Городничій просилъ меня повторить чтеніе, что конечно я съ

удовольствіемъ и исполнилъ. По окончаніи экзамена о. Архимандритъ сталъ насъ дарить приготовленными для сего книгами, и мнѣ подарено было три книги: Катихизисъ, Ариѳметика Буссе и Священная Исторія. Восторга своего отъ этихъ подарковъ теперь и описать не могу, а какова была радость у моихъ родителей? По окончаніи публичнаго экзамена былъ прочитанъ переводный списокъ, въ которомъ я значился подъ № 3-мъ; мы, простившись съ наставниками, особенно съ умнымъ Смотрителемъ, поблагодаривъ ихъ за ихъ воспитаніе и взявши билетъ, отправились съ великою радостію домой. Дома я встрѣченъ былъ родителями съ большою радостію, и когда у меня увидали три книги наградныя, заплакали отъ радости. Въ продолженіе вакаціи почетъ мнѣ былъ отъ всѣхъ родныхъ хорошій. Но день за день, недѣля за недѣлей, подкатилось незамѣтно время отправки въ незнакомый городъ Владиміръ въ Семинарію. Помолясь Богу, простившись съ матерью и малыми братьями и сестрой, я съ родителемъ своимъ и братомъ Иваномъ, котораго хотѣлось мнѣ перевести во Владимірское училище, но не пришлось, отправился во Владиміръ.

4. Жизнь моя во Владимірской Семинаріи съ 1854 по 1860 годъ включительно.

Пріѣхалъ я во Владиміръ, какъ въ темный и незнакомый лѣсъ,—никого и ничего не знаю. По счастію моему во Владимірскомъ училищѣ учились

мои двоюродные братья Владиміръ и Григорій Георгіевскіе [1])—дѣти моего дядюшки и о. крестнаго, села Михалкова священника Ефима Тимофеевича Георгіевскаго. Съ ними я, какъ родственникъ, познакомился, но это близкое знакомство впослѣдствіи послужило мнѣ въ большой вредъ.

Предлагались мнѣ двѣ квартиры: одна съ двоюроднымъ же братомъ, моимъ сотоварищемъ Николаемъ Лавровымъ, гдѣ большимъ въ квартирѣ былъ хорошій ученикъ богословскаго класса Петръ Васильевичъ Доброхотовъ—бывшій ученикъ Суздальскаго училища и двоюродный братъ Николаю Лаврову, значитъ и мнѣ нѣсколько сродни; другая—съ братьями Георгіевскими, гдѣ было два ученика богословіи: Иванъ Акинфычъ Лебедевъ и Николай Архангельскій [2]). Несчастная судьба рѣшила мнѣ быть на квартирѣ съ Георгіевскими. Въ квартирѣ было насъ только 5 человѣкъ: два богослова, я—ораторъ и двое Георгіевскихъ, учениковъ училища; старшій Владиміръ Георгіевскій оставленъ былъ въ высшемъ отдѣленіи на повторительный курсъ. Квартира наша помѣщалась въ мезонинѣ мѣщанина и башмачника Агапова и была очень тѣсна. Товарищей по классу со мной не было; братья мои занимались шалостями, а старшіе картежной игрой съ вечера до утра. Дѣло мое плохо. Слово Божіе

---

[1]) Владиміръ—діаконъ села Великаго—померъ, а Григорій за дурное поведеніе лишенъ духовнаго званія.

[2]) Лебедевъ и Архангельскій чрезъ годъ поступили по своему желанію въ военную службу.

говоритъ: тлятъ обычаи благи бесѣды злы, и со избранными избранъ будеши и со строптивыми развратишися. Такъ случилось со мной на опытѣ.

Въ Семинаріи было три реторическихъ отдѣленія и я опредѣленъ былъ въ 1-е отдѣленіе реторики и былъ представителемъ Суздальскаго училища. Учителемъ реторики—главнаго предмета—былъ Алексѣй Ивановичъ Розовъ; учителемъ православнаго исповѣданія—Священникъ Павелъ Абрамовичъ Прудентовъ, учителемъ греческаго языка Магистръ Академіи Михаилъ Ивановичъ Флоринскій (Архимандритъ Митрофанъ), учителемъ латинскаго языка и всеобщей исторіи Магистръ Академіи Александръ Ивановичъ Хитрово (недолго), послѣ его Александръ Михайловичъ Сперанскій; учителемъ алгебры и геометріи Николай Яковлевичъ Дубенскій [1]). При такихъ наставникахъ началось мое ученіе. Ректоромъ Семинаріи былъ Архимандритъ Платонъ 1-й [2]), Инспекторомъ Архимандритъ Виталій.

Наставники особенное вниманіе обращали па первыхъ учениковъ каждаго училища. Не посчастливилось мнѣ ученіе въ началѣ; занимался я плохо, да и не съ кѣмъ и некогда и не почему. При-

---

[1]) А. И. Розовъ, П. А. Прудентовъ, А. М. Сперанскій—скончались будучи священниками въ г. г. Владимірѣ, М. И. Флоринскій (архимандритъ Митрофанъ) умеръ въ Суздалѣ, а Н. Я. Дубенскій—въ г. Судогдѣ.

[2]) Платонъ (Ѳивейскій) былъ ректоромъ Владимірской Семинаріи съ 3 декабря 1852 по 30 апрѣля 1856 года. Скончался архіепископомъ Костромскимъ 12 мая 1877 г.

чинъ тому много. 1. Я былъ глухъ и не могъ ничего слышать, о чемъ толкуетъ наставникъ. Былъ я въ горячкѣ, еще бывши ученикомъ училища; бабушка моя родная Аграфена Ѳедоровна — мать моей матери — послѣ болѣзни затащила меня въ жаркую печь попарить; послѣ такого пару я совсѣмъ оглохъ и не могъ недѣли двѣ ничего слышать, потомъ уже слухъ нѣсколько раскрылся и я навсегда остался довольно глухимъ. 2. Товарищей, съ которыми бы могъ я заняться уроками вмѣстѣ, не было. 3. Исторіи всеобщей по недостатку средствъ не имѣлъ вовсе, а записки по реторикѣ писалъ самъ, что отнимало очень много времени, только и имѣлъ я свою книгу Православное Исповѣданіе. 4. Заниматься особо по тѣснотѣ и неудобству квартиры было нельзя, при томъ же съ ранняго вечера во всю ночь была картежная игра. Наша квартира была сборнымъ пунктомъ картежной игры; къ намъ собирались играть кончившіе уже курсъ, какъ теперь помню: А. П. Пр—скій, (священникъ села В—на Суздальскаго уѣзда), Ѳедоръ Ѳедоровичъ Нечаевъ (бывшій священникъ села Ильинскаго, умеръ въ 1880 г.), потомъ ученики богословія: М. И. А. (священникъ с. Петровскаго) и Евгеній Петровичъ П., сынъ какого-то протоіерея. Мои же братья тоже были первые шалуны, и они тоже принимали участіе въ игрѣ. Что мнѣ было дѣлать съ такими обстоятельствами? Бывало до вечера заберусь куда нибудь въ уголъ на дворѣ, доколѣ тепло, да и учу урокъ, а вечеръ придетъ,

глазѣю на картежную игру. Придетъ утро, нужно идти въ классъ, у меня же и урокъ не учепъ, и сочинсніе—періодъ—не писано, а если и писано, то никуда негодящее, кое-какое. Писать сочиненія для меня было дѣломъ новымъ, такъ какъ насъ очень мало заставляли писать въ училищѣ. Итакъ я — представитель Суздальскаго училища — былъ плохой ученикъ. Наставники недоумѣвали, что бы это значило, что первый ученикъ Суздальскаго училища очень плохо учится. Я же молчалъ, но видѣлъ свою гибель и гибель неминуемую—исключеніе изъ Семинаріи. Жутко мнѣ было. Къ концу рождественской трети наставникъ реторики поставилъ меня въ спискѣ въ концѣ 2-го разряда, исторіи и латинскаго языка—въ началѣ 3-го разряда, только по Православному Исповѣданію я значился въ спискѣ подъ 2 №. Какая разпость!.. Пришелъ экзаменъ. Предъ экзаменомъ учитель Исторіи г. Хитрово публично въ классѣ высказалъ, что я на всѣхъ учениковъ надѣюсь, не надѣюсь только на Лаврова. Обидно мнѣ показалось, да и горько; но самъ виноватъ. На экзаменѣ же случилось такъ, что я только одинъ изъ всего класса отвѣтилъ, а прочіе всѣ, что называется по семинарски, срѣзались. Послѣ экзамена приходитъ въ классъ Хитрово и говоритъ: на кого надѣялся — не отвѣтили, а на кого не было вовсе надежды — отвѣтилъ лучше всѣхъ; занимайся Лавровъ, я тебя высоко посажу. Это для меня было утѣшеніемъ.

Хорошимъ отвѣтомъ на экзаменѣ дѣло мое не-

множко поправилось, но вижу я, что могу скоро погибнуть и рѣшилъ въ умѣ послѣ Рождества Христова непремѣнно сойти съ квартиры и попроситься къ Петру Васильевичу Доброхотову, гдѣ квартировали два ретористa: двоюродный братъ Николай Лавровъ [1]) и Павелъ Новосельскій (священикъ села Григорова), но они оба учились во 2-мъ отдѣленіи; поэтому тѣснаго товарищества у меня съ ними не было. Впрочемъ на новой квартирѣ мое ученіе пошло лучше. Петръ Васильевичъ не рѣдко поправлялъ мои сочиненія. Спасибо ему! Я началъ учиться ровненько, изъ плохихъ-то повыбился, но къ хорошимъ еще не присталъ. Такъ прошелъ весь годъ. Страшилъ меня годичный экзаменъ. Лекціи училъ я плохо, сочиненія не совсѣмъ хороши. Наступилъ экзаменъ по главному предмету—реторикѣ. Ректоръ Платонъ (строгій, нервный человѣкъ), пришедши въ залу, велѣлъ намъ написать хрію простую на тему: *ученики Семинаріи должны вести себя также, какъ Апостолы въ Сіонской горницѣ*, и самъ сталъ вызывать послѣднихъ учениковъ по реторикѣ (учебнику). Что мнѣ было дѣлать? Писать ли хрію, или просматривать реторику, такъ какъ я былъ по спискамъ на срединѣ. Положеніе затруднительное. И въ реторику посмотрю, и попишу немного, но то и другое плохо у меня клеилось; видно—по пословицѣ, за двумя зайцами погонишься, ни одного не догонишь. Растерянность моя кончилась, когда

---

[1]) Лавровъ Николай чрезъ годъ изъ философскаго отдѣленія за худое поведеніе былъ выключенъ лично самимъ Архіереемъ.

Ректоръ оставилъ экзаменъ по реторикѣ и началъ вызывать первыхъ по сочиненію. Тогда ужъ и сосредоточился я на сочиненіи: попишу, попишу да зачеркаю; наконецъ очередь доходитъ и до меня,—меня инда въ потъ бросило, когда ректоръ сказалъ по списку—Лавровъ и проч. Выхожу и несу съ собой измаранную бумагу, начинаю читатъ свое сочиненіе; сочиненіе понравилось ректору, а особенно понравилось мое произношеніе и онъ тутъ же заставилъ меня тѣмъ же произношеніемъ прочитать *Слово о пьянствѣ*, которые мы, всѣ ученики семинаріи, обязаны были, по распоряженію Ректора, выучить наизусть. Я же выучилъ, но не все (оно очень длинное); какъ на бѣду заставилъ читать послѣднюю часть его, которой я не зналъ. Онъ потомъ заставилъ меня прочитать 1-ю часть, я прочиталъ, и ректоръ остался доволенъ, а объ сочиненіи сказалъ, что оно написано очень порядочно. И по всѣмъ предметамъ отвѣчалъ я довольно порядочно. Мое дѣло поправилось вполнѣ и я, по составленному Ректоромъ списку, поставленъ былъ подъ 26 №, тогда какъ къ экзамену я въ спискѣ значился подъ № 48. Шагъ великъ. Послѣ перваго года Ректоръ Платонъ очень много исключилъ суздальскихъ учениковъ; осталось насъ только человѣкъ 8-мь.

Второй годъ моего ученія въ Семинаріи начался гораздо получше, чѣмъ первый. На квартирѣ я былъ опять съ Петромъ Васильевичемъ, только мои товарищи—Лавровъ и Новосельскій отдѣлились отъ насъ, а на мѣсто ихъ перешелъ къ намъ мой единоклас-

сный товарищъ Павелъ Алексѣевичъ Бѣлояровъ (послѣ профессоръ Влад. Семинаріи), 1-й и лучшій ученикъ нашего отдѣленія [1]). Въ этомъ году ученіе мое шло своимъ чередомъ, но не такъ бойко, такъ что къ концу переводнаго года значился я въ спискѣ въ числѣ среднихъ учениковъ. Изъ всѣхъ предметовъ Всеобщая Исторія Шренка ужасно мнѣ не нравилась и я ничего не зналъ изъ нея, но по нѣкоторому случайному обстоятельству мнѣ пришлось на экзаменѣ отличиться по ней. Дѣло было такъ: за отсутствіемъ на чреду Ректора Платона, должность его правилъ Ректоръ Влад. Училища Ѳедоръ Михайловичъ Надеждинъ. Былъ экзаменъ по исторіи и латинскому языку. Изъ исторіи я только и зналъ о какихъ то французскихъ короляхъ. Сижу и не думаю ни о чемъ,—я былъ увѣренъ въ совершенномъ своемъ молчаніи на экзаменѣ. Пришлось мнѣ сидѣть рядомъ съ ученикомъ Соловьевымъ, у котораго была какая-то полная Исторія (кажется Беккера), беру ее, раскрываю и читаю объ Орлеанской дѣвицѣ. Разсказъ мнѣ понравился, прочиталъ я еще; вдругъ меня Ректоръ вызываетъ съ двумя учениками къ столу. Повиновался. Стою. Жду, что будетъ. Моихъ товарищей спрашиваетъ о французскихъ короляхъ; тѣ молчатъ, видно такіе же знатоки, что и я; спрашиваетъ меня, я отвѣчаю, такъ какъ я только это и зналъ. Полюбился мой отвѣтъ Ректору; съ веселымъ духомъ онъ спрашиваетъ меня: не знаешь ли

[1]) Скончался преподавателемъ Семинаріи въ 1899 году.

ты чего объ Орлеанской дѣвицѣ. Знаю, и началъ подробно разсказывать ему эту исторію (а въ Исторіи Шренка объ ней сказано очень обще); гляжу, въ спискѣ ставитъ баллъ 1 (равносильный 5, такой баллъ самый лучшій въ тогдашнее время). По латинскому языку тоже пришлось отвѣтить на 1. Остается экзаменъ по главному предмету—реторикѣ. Былъ онъ 8 іюля—въ день Казанскія Б. Матери. Приходитъ Ректоръ и первое дѣло велитъ написать хрію изъ текста: *Достойно есть величати тя Богородице, честнѣйшую...... и проч.* Садится и началъ вызывать къ столу по реторикѣ послѣднихъ. Со мной повторилась такая же исторія, какъ и на экзаменѣ при Ректорѣ Платонѣ. Ректоръ сталъ вызывать первыхъ учениковъ по сочиненію и ни одинъ изъ всѣхъ не могъ угодить ему; все чего то не хватаетъ, говоритъ онъ каждому. Вызываюсь я; начинаю читать, и мое сочиненіе оказалось лучше всѣхъ и по сочиненію получилъ я баллъ 1. Въ концѣ концовъ я переведенъ въ философское отдѣленіе подъ 18 № въ числѣ студентовъ. Въ два года въ Семинаріи я увидалъ на себѣ особенное дѣйствіе Промысла Божія. Благодареніе Богу!...

Началось мое ученіе въ философіи. По распоряженію Семинарскаго Правленія я поступилъ во 2-е отдѣленіе. Учителемъ по главному предмету—логикѣ, психологіи и патристикѣ былъ профессоръ Герасимъ Ѳедоровичъ Нарбековъ (послѣ секретарь Консисторіи), по Библейской Исторіи Священникъ Іоаннъ Аввакумовичъ Павлушковъ (членъ Консисторіи, Николо-

златовр. Протоіерей), по сельскому хозяйству Василій Алексѣевичъ Ставровскій, по Русской Исторіи Михаилъ Минычъ Никольскій [1]). Лишился я своего Петра Васильевича добраго и честнаго человѣка (кончилъ курсъ студентомъ), перешелъ я на квартиру къ нѣкоему живописцу Никол. Александрову Абросимову—въ Щемиловкѣ подъ Семинаріей. Товарищемъ моимъ былъ Павелъ Алѣевъ, съ которымъ я впрочемъ дружбы большой не имѣлъ. Старшіе въ квартирѣ были люди нетрезвой жизни. Обстановка для меня не совсѣмъ была хороша; но ученіе мое шло своимъ чередомъ, впрочемъ не бойко. Оставляю чрезъ годъ эту квартиру и перехожу къ своему профессору Герасиму Ѳедоровичу Нарбекову. Здѣсь мое занятіе стало лучше и я сталъ поправляться. Послѣ окончательнаго экзамена я переведенъ въ богословское отдѣленіе подъ № 18—первымъ во 2 разрядѣ. Являюсь домой съ радостью, сказываю родителямъ своимъ, что я переведенъ въ Богословскій классъ, тѣ перекрестились и отъ радости заплакали.

Поработавши и погулявши въ вакацію, отправился я во Владиміръ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ и крестникомъ Дмитріемъ, который во время вакаціи вписанъ былъ въ число будущихъ учениковъ

[1]) Ректоромъ Семинаріи былъ съ 30 мая 1856 по 9 іюня 1857 Арх. Леонтій Лебединскій, послѣ Архіеп. Варшавскій и съ 1891 г. митрополитъ московскій (сконч. 1 авг. 1893 г.), Инспекторомъ Іеромонахъ Кириллъ.—І. А. Павлушковъ и М. М. Никольскій скончались во Владимірѣ, будучи священиками, Г. Ѳ. Нарбековъ † на должности секретаря консисторіи.

Владимірскаго училища,—средній же братъ Иванъ исключенъ былъ изъ Суздальскаго Училища (послѣ моего поступленія въ Семинарію занялся шалостями, за что и выключенъ былъ). Квартиру себѣ нашелъ я на Варваровкѣ въ домѣ мѣщ. Алексѣя Ивановича Шканова. Здѣсь былъ я довѣреннымъ; со мной квартировали: ученикъ средн. отд. Семинаріи Алексѣй Троицкій (священ. Перес. уѣзда), ученики Реторики: Василій Ив. Чижевъ (кончилъ курсъ въ Университетѣ), Иванъ Өедоровичъ Волоцкій (Кандидатъ Академіи), Кузьма Андр. Орловъ (дьячекъ села Самары), Алексѣй Дмитр. Альбицкій [1]) (священникъ) и человѣка четыре изъ 1-хъ классовъ училища; съ послѣдними въ теченіе двухъ лѣтъ я занимался какъ съ дѣтьми своими и изъ за нихъ я многое опускалъ свое, съ ними я имѣлъ не мало труда и изъ за нихъ не мало потерялъ здоровья. Но Господь милосердъ; можетъ быть, по ихъ молитвамъ, я слабый здоровьемъ продолжаю жить до сего времени, имѣя уже 44 года.

По росписанію я назначенъ во 2-е высшее отдѣленіе. Ректоромъ и профессоромъ догматическаго богословія былъ во всѣхъ 3-хъ отдѣленіяхъ Архимандритъ Платонъ 2-й, инспекторомъ Іеромонахъ Кириллъ, профессоромъ нравственнаго богословія Магистръ Андрей Ивановичъ Боголюбовъ; учителемъ Св. Писанія Петръ Григорьевичъ Кліентовъ,—по

---

[1]) А. Троицкій ум. свящ. с. Купани въ 1890 г., В. П. Чижевъ—присяжный повѣренный, И. Ө. Волоцкій кончилъ въ 1867 г. въ Кіевской академіи, А. Д. Альбицкій—въ 1891 г. уволенъ заштатъ изъ священниковъ с. Михалева.

исторіи и церковному праву свящ. Іоаннъ Аввакумовичъ Павлушковъ, по греческому языку Григорій Өедоровичъ Соколовъ [1]). Много терялъ я себя изъ за глухоты, но открыть свой недостатокъ наставнику почему-то не смѣлъ. Профессоръ Боголюбовъ говорилъ тихо и скоро и что онъ толковалъ, я по своей глухотѣ ничего не могъ слышать и не рѣдко на его вопросы и возраженія я только стоялъ да молчалъ, вслѣдствіе чего вѣроятно имѣлъ обо мнѣ не совсѣмъ хорошее мнѣніе и только сочиненія мои нѣсколько поддерживали меня; за то учитель по Священному Писанію П. Г. Кліентовъ для меня былъ неоцѣнимымъ учителемъ. Говорилъ онъ громко, не скоро, а иногда одну и ту же мысль повторялъ, и я хотя очень былъ глухъ, но все могъ слышать, что толковалъ Кліентовъ, и въ спискѣ его я значился подъ № 7-мъ, а у прочихъ наставниковъ около 25 №. Ректоръ Платонъ 2-й былъ знаменитый профессоръ догматическаго богословія, только я по своей глухотѣ лишенъ былъ удовольствія слышать его лекціи, тѣмъ болѣе, что въ одинъ классъ собирались всѣ три отдѣленія, а рѣчь Ректора была не совсѣмъ громка.

Въ этотъ курсъ, когда я былъ въ богословіи, посѣтилъ нашу Семинарію ревизоръ Князь Урусовъ. Онъ былъ на лекціи о. Ректора и очень доволенъ остался его лекціей. Занимаясь, какъ слѣдуетъ, всѣми

---

[1]) Нынѣ уже всѣ покойные: Архимандритъ Платонъ (Троепольскій), бывшій ректоромъ Владимір. Семинаріи съ 18 іюля 1857 г. по 21 марта 1860 г., скончался епископомъ Томскимъ 8 окт. 1876 г., — А. П. Боголюбовъ—во Владимірѣ, а П. Г. Кліентовъ - въ Москвѣ скончались въ свѣтскомъ званіи.

богословскими предметами, я мало занимался догматическимъ богословіемъ и очень часто не бывалъ на лекціяхъ Ректора, а это вотъ по какому случаю. Ректоръ Платонъ держался такого правила: кого спроситъ и кто отвѣтитъ ему заданный урокъ, тотъ еще не будетъ спрошенъ до тѣхъ поръ, доколѣ всѣхъ не переспроситъ; и на экзаменахъ по догматикѣ вызываетъ тѣхъ, кто еще не спрошенъ. Рѣдко, рѣдко измѣнялъ онъ это правило. Семинаристъ, разумѣется, сразу съумѣетъ подмѣтить слабость наставника и готовъ воспользоваться ею для своей лѣни. Такъ сдѣлалъ и я. Поступивши въ богословское отдѣленіе, я былъ на первой трети спрошенъ о. Ректоромъ. Зная его методу, сначала похаживалъ въ классъ, потомъ вижу, что эта метода идетъ своимъ чередомъ, и я не сталъ ходитъ въ классъ на лекціи догматическаго богословія; впрочемъ мнѣ, какъ глухому, не было пользы и ходить въ классъ. Все сходило съ рукъ благополучно и на экзаменахъ меня никогда не спрашивалъ. Боялся только Архіерея Іустина, который ѣздилъ на экзамены богословскіе, но и тотъ держался такого правила: вызывалъ только самыхъ первыхъ и послѣднихъ, середку же не трогалъ,—а я къ счастію значился въ серединѣ. На второмъ году моего ученія въ богословіи тоже я былъ спрошенъ какъ-то середь первой трети и также послѣ спроса уложилъ догматику въ сундучекъ и не ходилъ въ классъ. Такъ бы и окончилось мое ученіе по догматическому богословію. Вдругъ перемѣна. Ректоръ Платонъ вызванъ на чреду и уѣхалъ

передъ Пасхой въ Петербургъ, а догматическое богословіе сталъ преподавать Инспекторъ Іеромонахъ Кириллъ. Этотъ новый профессоръ держался совершенно другаго правила. Онъ нѣсколько разъ сряду вызывалъ одного и того же ученика; значитъ, намъ расчитывать на выгоду никакъ было нельзя. Дѣло мое плохо! На бѣду еще я послѣ Пасхи пріѣхалъ поздненько и въ это время, когда меня еще не было, былъ спрошенъ. Являюсь въ классъ; товарищи мои объявляютъ мнѣ, что тебя вызывалъ Инспекторъ. Заныло мое сердце. Послѣдняя треть, уроки задавались громадные какъ повтореніе, для меня же все вновь; готовлюсь каждый классъ къ спросу, но Инспекторъ вызывать медлитъ; болѣе половины повторили догматики, Инспекторъ вызываетъ меня. Прочиталъ я урокъ; Инспекторъ спрашиваетъ меня: знаешь ли все пройденное? Думаю себѣ—какъ отвѣтить? Отвѣтить: *знаю*,—могу сейчасъ срѣзаться; сказать *не знаю*—стыжусь. Рѣшился отвѣтить наудалую: *знаю*. Онъ началъ кое гдѣ меня спрашивать, я, сколько могъ и съумѣлъ, отвѣчаю своими словами; по счастію удалось мнѣ отвѣтить на всѣ предложенные вопросы. Наконецъ Инспекторъ сказалъ—видно ты знаешь? Тогда я смѣло ему отвѣтилъ: все знаю, Ваше Высокопреподобіе. Поди, хорошо! Сколько у меня радостей было послѣ этихъ удачныхъ отвѣтовъ. Хорошіе мои отвѣты по догматикѣ заслужили награду отъ о. Инспектора, который во время рекреаціи въ Марьиной рощѣ узналъ меня и далъ мнѣ пряниковъ и орѣховъ за хорошіе отвѣты.

Время приблизилось къ выпускнымъ экзаменамъ, на которыхъ мнѣ удалось отвѣчать какъ слѣдуетъ и я кончилъ курсъ семинарскаго образованія въ 1860 году и получилъ аттестатъ 2-го разряда (кончилъ я курсъ въ началѣ 2 разряда). Помолясь Богу и угодникамъ Владимірскимъ, я отправился домой съ полной радостью на душѣ. Мать моя, уже вдова [1]), съ радостію встрѣтила меня и я пробылъ дома до конца сентября мѣсяца, наслаждаясь свободой и отдыхомъ.

5. Жизнь моя во дьячкахъ въ селѣ Пьянцинѣ Юрьевскаго уѣзда.

Сидимъ однажды вечеромъ на завалинкѣ священническаго дома и разговариваемъ кое о чемъ съ священниками (одинъ изъ нихъ заштатный мнѣ дядя родной, а другой, его зять, мнѣ двоюродный братъ), вдругъ подъѣзжаетъ къ намъ незнакомый крестьянинъ—это староста церковный села Рыкова Юрьевскаго уѣзда, Михаилъ Степановъ, съ просьбою къ заштатному священнику послужить у нихъ въ Рыковѣ вмѣсто умершаго священника, мѣсто коего утверждено за его дочерью Екатериной. Между прочими разговорами я спросилъ его, не знаетъ ли онъ гдѣ нибудь празднаго дьяческаго мѣста. Онъ указалъ мнѣ въ селѣ Рыковской Новоселкѣ,— тутъ дьячекъ и священникъ померли холерой и мѣста праздныя и тутъ же разсказалъ мнѣ доходы и земли и жа-

---

[1]) Отецъ мой умеръ еще въ 1859 г. въ Москвѣ, братъ мой Иванъ поступилъ на его мѣсто въ пономари.

лованье со вложеннаго капитала. У меня блеснула мысль поступить тутъ во дьячки, но былъ остановленъ однимъ словомъ крестьянина; онъ въ разговорахъ добавилъ, что мнѣ будетъ тутъ хорошо, и въ Рыковѣ и Новоселкѣ есть невѣсты—послѣ священниковъ дочери. Помутился мой разумъ; цѣлую ночь не спалъ, обдумывалъ идти или нѣтъ. Наконецъ рѣшилъ нейти, — и утромъ же предложилъ своему двоюродному брату,—сыну священника Ивану Лаврову, который былъ дьячкомъ при бѣдной Суздальской Смоленской церкви,—и онъ поступилъ.

Пришелъ октябрь мѣсяцъ; вижу я, что только въ тягость и брату и матери, притомъ же и стыдно кончившему курсъ семинаріи жить на чужой счетъ и быть трутнемъ. Отправился во Владимiръ для прiисканiя себѣ на время какого либо дьяческаго мѣста. Являюсь въ прiемную Архiерея, которая биткомъ набита и просителями и празднопроживающими. Увидѣлся я съ своимъ задушевнымъ товарищемъ по курсу Иваномъ Парфенычемъ Спасскимъ, поступающимъ уже во священники на родственное мѣсто въ село Пьянцино. Спрашиваю его, не знаетъ ли онъ гдѣ празднаго дьяческаго мѣста, и онъ мнѣ указалъ въ селѣ Пьянцинѣ. Прiятно мнѣ было быть вмѣстѣ съ своимъ другомъ. Подаю прошенiе Архiерею на поступленiе во дьячки въ село Пьянцино, и послѣ испытанiя меня въ чтенiи и пѣнiи, я опредѣляюсь во дьячки въ село Пьянцино. Получивши указъ, отправляюсь на родину, оттуда 6 ноября въ свою резиденцiю. Прiѣхалъ въ Пьянцино въ самый

Михайловъ день (храмовой праздникъ) предъ обѣднею; являюсь въ церковь, священникъ прочиталъ указъ прихожанамъ и я вступилъ въ права дьяческой должности. Не зная церковнаго устава, я не могъ распорядиться чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ, а потому далъ полную волю крестьянамъ—клирошанамъ; но они изподтишка стали смѣяться надо мной, что я кончившій курсъ, а не знаю устава. Это затронуло мое честолюбіе и я принялся за изученіе устава вмѣстѣ съ священникомъ, который столько же зналъ, сколько и я. Наконецъ эту мудрость уразумѣлъ и сталъ уже самъ распоряжаться уставомъ на клиросѣ. И до меня не плохо пѣли на клиросѣ, а при мнѣ и очень хорошо стали пѣть; я сталъ собирать пѣвчихъ и разучивалъ ихъ пѣть разные напѣвы церковныхъ пѣсней. Изъ сосѣднихъ селъ нарочно приходили въ нашъ храмъ послушать пѣніе.

Пришла зима. Показалось мнѣ скучно жить одному и безъ дѣла; для развлеченія себя я устроилъ школу, въ которой собралось мальчиковъ 12. Съ любовію принялся я за это дѣло. Мальчики скоро выучились читать,— это меня очень утѣшало. Квартира моя была въ домѣ старушки дьячихи и мнѣ очень было свободно заниматься любимымъ своимъ дѣломъ,— маленькой школой.

Прошла зима, стали мнѣ предлагать невѣстъ. 1-я невѣста моя была въ селѣ Краскахъ въ 10 верстахъ отъ Пьянцина. Отецъ невѣсты и сама невѣста очень желали меня принять, но Архіерей отказалъ мнѣ, какъ младшему, а велѣлъ пріискивать

жениха изъ старшаго курса и поступилъ туда изъ старшаго курса нѣкто Ефимъ Беневоленскій. Промыслъ Божій, видно, готовилъ меня для другого мѣста.

Пришла весна и принесла съ собой большія хлопоты и работу хозяйственную. Крестьяне боялись брать у меня землю въ аренду, а потому мнѣ пришлось свой клочекъ земли обработать самому и я насѣялъ овса; покосъ скосилъ и убралъ помочью, а сѣно отдалъ своему брату Ивану. Пришло время жать рожь, а мнѣ большое горе. Въ одинъ и тотъ же день вздумали мы съ священникомъ собрать помочь. Онъ набралъ народу, а я нѣтъ. Присовѣтовали мнѣ крестьяне собрать мужиковъ и угостить ихъ виномъ. Я послушался, собралъ; явились мужики съ серпами, принялись за дѣло очень бойко. Дѣло мое пошло хорошо. Что-то будетъ дальше. Мужики по стаканчику выпили, стали жать еще лучше. Легко стало у меня на сердцѣ; мужики для храбрости еще выпили. Но храбрость ихъ пошатнулась, сѣли они на снопахъ и давай пѣть пѣсни; еще выпили и принялись было жать, но серпы выпали изъ рукъ, тѣмъ дѣло и кончилось, т.-е. вино выпили, а рожь не сжали,—дожиналъ ужъ наймомъ. Подъ озимой хлѣбъ землю вспахалъ и посѣялъ помощью.

Осенью мой другъ и пріятель кандидатъ академіи Иванъ Ѳедоровичъ Волоцкій письмомъ извѣщаетъ меня о смерти своего отца (который желалъ меня имѣть своимъ зятемъ еще заживо) и между прочимъ предлагаетъ посмотрѣть свою сестру, которую я

очень хорошо знаю, такъ какъ моя родина была отъ ея родины—села Константиновскаго въ 5 верстахъ и я нѣсколько разъ гостилъ у нихъ во время вакаціи. Ѣду. Только что я въѣхалъ въ ихъ село, а отъ нихъ мнѣ навстрѣчу ѣдетъ женихъ—сынъ села Володятина священника Ефимъ Андреевичъ Успенскій. Даемъ знать о своемъ пріѣздѣ Ивану Андреевичу; онъ приглашаетъ насъ и извиняется, что былъ у нихъ женихъ. Невѣста разстроилась. Ей не хотѣлось идти за Успенскаго, а за меня, начала плакать; но дядя ея, села Володятина дьячекъ, всѣми мѣрами старался и рѣшилъ быть ей за своимъ поповичемъ Успенскимъ. Такъ Промыслъ Божій отклонилъ меня отъ этой невѣсты, а готовилъ для другой, но какой—неизвѣстно.

Пришла зима, опять я за свое любимое дѣло—за школу. Наступилъ праздникъ Великомученика Георгія 26 ноября у дяди моего въ селѣ Ярышевѣ, близь Гаврилова посада. Ѣду туда, тамъ и мать моя родная. На другой день праздника пріѣзжаетъ къ намъ въ Ярышево тетка—жена бывшаго заштатнаго священника села Торокъ, который отправлялъ должность священника въ селѣ Рыковѣ, и объявляетъ, что ея мужъ, а мой дядя, померъ, и зоветъ на похороны. Ѣду. И что же? на похоронахъ, которыя были въ селѣ Рыковской Новоселкѣ, гдѣ его сынъ Иванъ Лавровъ былъ дьячкомъ (у него въ домѣ онъ и померъ)—вижу лицомъ къ лицу двухъ невѣстъ: Рыковскую—Екатерину Павловну и Новосельскую—Ольгу Семеновну. Послѣ похоронъ дяди

былъ со мной курьезный случай. Мнѣ пришлось ночевать въ Новоселкѣ. Сынъ дяди дьячекъ Иванъ Лавровъ и его товарищъ села Торокъ дьячекъ Иванъ Широкогоровъ—мои родичи, которые во время оно меня высѣкли въ училищѣ, напившись до пьяна, схватили меня и силомъ повели въ домъ невѣсты. Силъ у меня не хватило отбиться отъ нихъ и я добровольно пошелъ съ ними туда. Входимъ,—обѣ невѣсты тутъ; стали въ карты играть и проиграли почти всю ночь! Хороши поминки по дядюшкѣ!

Утромъ я уѣхалъ обратно къ празднику въ Ярышево, изъ котораго опять же къ празднику на Николинъ денъ въ Огренево; изъ Огренева на свою родину въ Торки, а оттуда братъ мой Иванъ повезъ во Пьянцино. Ѣхать намъ приходилось въ базарный день чрезъ Гавриловъ посадъ. Ѣдемъ базаромъ, идетъ намъ навстрѣчу двоюродный братъ Иванъ Лавровъ —дьячекъ Рыковской Новоселки. Братецъ! Васъ и нужно! А что, говорю я. Матушкѣ нашей хочется Васъ въ зятья принять; она просила меня; пожалуйте посмотрѣть невѣсту. Отъ добра не прочь, думаю себѣ. Хорошо, я пріѣду, и тутъ же съ Ярышевскимъ дядей и теткой, которые были въ Посадѣ, отправился въ Новоселку смотрѣть невѣсту. Оказалось послѣ, что матушка никогда не говорила ему объ этомъ. Пріѣхали; сказали матушкѣ, что женихъ пріѣхалъ посмотрѣть невѣсту. Разумѣется, она не отказалась принять насъ, и началось *смотрѣнье.* Дѣло было въ кухнѣ; невѣста стоитъ за набойчитой перегородкой; платьице на ней коротень-

кое ситцевое; подстрижена она въ кружку (ей было всего 15 лѣтъ). Невѣста выходитъ стыдливая, и я не менѣе ея застыдился, спросилъ ее объ имени и отчествѣ и знаетъ ли читать; съ робостію и стыдливостію она отвѣчала мнѣ на всѣ вопросы; попросилъ я ее прочитать,—не отказалась, но читала плохонько. Я думаю, она и книги передъ собой не видала, а если и видѣла, то буквы у ней передъ глазами вертѣлись такъ и сякъ. Экзаменъ кончился; начала сваха, моя тетка, свое дѣло. По просьбѣ свахи показали намъ приданое невѣсты; внесли: салопъ, суконную шубу и еще что-то, попросили невѣсту помѣрять то и другое; она не заупрямилась, помѣряла; а такъ какъ вся одежда шита не на нее, а на маменьку тещу, которая ростомъ гораздо была выше ея, то, глядя на приданое, особенно на шубу съ лифомъ, который досягалъ почти до задняя, я едва не разсмѣялся, а сваха моя съ серьезнымъ видомъ знатока заявляетъ: ахъ, какъ хорошо, точно на нее шили!! Невѣста мнѣ понравилась и дѣло пошло въ ходъ; потребовалъ я листъ бумаги для написанія росписи приданаго, но листа во всей Новоселкѣ не оказалось, и я вынужденъ написать роспись совершенно бѣлыми чернилами на своемъ поученіи, которое сказывалъ въ Огреневѣ въ день храмового праздника Николая чудотворца. Въ приданое мнѣ давалось: пятистѣнный домъ гнилой съ проломленнымъ поломъ и потолкомъ и съ гнилой крышей, житница ветхая и сарай кормовый на боку, корова и двѣ овцы, станъ худыхъ колесъ, на которыхъ ѣздить нельзя,

и только; кромѣ этого ничего не было изъ имущества; въ добавокъ ко всему мнѣ содержать двоихъ шурьевъ и свояченицу, разумѣется и тещу. Не обращалъ я ни на что вниманія, полюбилась невѣста и я согласенъ былъ поступить къ ней во дворъ; дѣло остановилось только за согласіемъ моей родной маменьки, которой тогда не было. Посмотрѣвши невѣсту и почти рѣшивши дѣло, я отправился въ Пьянцино. Это было въ половинѣ декабря 1861 года.

Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Въ святки села Поэлова священникъ о. Іаковъ Виноградовъ, который еще прежде мнѣ предлагалъ посмотрѣть его дочь невѣсту, прислалъ ко мнѣ нарочнаго человѣка съ покорнѣйшею просьбою пожаловать къ нему въ домъ на нынѣшній вечеръ. Дѣлать нечего, отказаться не ловко, рѣшился ѣхать. Добылъ себѣ получше тулупъ, надѣлъ люстриновое полукафтанье, взялъ съ собой старушку—хозяйку, у которой квартировалъ, и поѣхалъ въ Поэлово. Пріѣзжаю. Былъ вечеръ. Меня выходитъ встрѣчать на крыльцо самъ священникъ въ холодной рясѣ. Иду въ домъ, раскланялся со всѣми; вижу собраніе гостей и матушка сидитъ въ домѣ въ пальто и косынкой бѣлой повязана, какъ будьто собралась куда въ дорогу. Обстановка меня нѣсколько озадачила. Но ужъ коль назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ. Сѣлъ у стола съ о. Іаковомъ, началъ вести съ нимъ разнаго рода разговоры, а за перегородкой рядятъ невѣсту для меня. Однимъ глазомъ гляжу на всѣхъ, а другой изподтишка запускаю на перегородку.

Долго длился нашъ разговоръ съ о. Іаковомъ и можетъ быть онъ продолжился бы всю ночь, если бы матушка не прервала нашихъ разговоровъ и не предложила посмотрѣть суженую. Я изъявилъ желаніе и минутъ черезъ пять является предо мной довольно стройная, высокая, красивая и черезъ чуръ наряженная невѣста Надежда Яковлевна. А благоуханіе то какое отъ нея! Я съ роду и не обонялъ. Смутился я, но и ободрился, когда вспомнилъ, что и я не кто нибудь, а кончившій курсъ семинаріи. Раскланялся, сѣли за столъ, предложены были карты и мы играли долго въ разныя игры. Невозможно было мнѣ посмотрѣть на нее изъ-за свѣчки, хотя и очень хотѣлось, но ей на меня смотрѣть было очень хорошо. Кончилась игра. О. Іаковъ повелъ меня на дворъ показать движимое имущество, которое должно поступить мнѣ въ приданое. Пошелъ я какъ невольникъ и ничего не видалъ; въ глазахъ у меня была только Надежда Яковлевна. Все я разумѣется хвалилъ, но на серьезный вопросъ о. Іакова—нравится ли мнѣ невѣста и желаю ли я поступить во дворъ, я отвѣтилъ: невѣста очень нравится и желалъ бы поступить, но безъ воли и благословенія матери я не рѣшусь, вдобавокъ еще у меня начато дѣло съ невѣстой Новосельской; если дѣло съ той невѣстой разстроится, я вашу дочь имѣть буду въ виду первую. Тѣмъ дѣло и кончилось. Собрался домой, вдругъ сваха проситъ у меня носовой платокъ. Мнѣ странно показалось это; однакоже невольно повиновался. (Къ счастью еще платокъ-то

хорошъ былъ, а то бы стыдъ). Минуты черезъ три сваха мнѣ его возвращаетъ, но не въ такомъ видѣ и вкусѣ, въ какомъ получила, а весь раздушеный благовоніями. Это было дѣло невѣсты. (Видно влюбилась!). Простясь со всѣми и поблагодаривъ за угощеніе, поѣхалъ ночью домой въ Пьянцино.

Только взошелъ въ квартиру, гляжу, на казенкѣ лежитъ незнакомый крестьянинъ. Онъ всталъ и заявилъ мнѣ, что я-де нарочно присланъ отцомъ дьякономъ Ярышевскимъ, который приказалъ пріѣхать тебѣ смотрѣть невѣсту въ Воймигѣ и нарочно прислалъ лошадь. Дѣлать нечего, надо ѣхать. Утромъ отправился. Пріѣзжаю въ Ярышево, отворилъ дверь и остолбенѣлъ глядя на гостя, сидящаго впереди. Этотъ гость—мой родной дядя московскій Ѳедоръ Яковлевичъ Лавровъ, который обо мнѣ имѣлъ большое стараніе, безъ котораго бы я можетъ быть и курса не кончилъ. Тутъ сидитъ и маменька. Поздоровался со всѣми и спрашиваю съ удивленіемъ дядюшку: какими судьбами Вы попали сюда? А онъ, смѣясь, говоритъ, что слышалъ я, что ты хочешь жениться, вотъ я и пріѣхалъ къ тебѣ. Объяснилось дѣло такъ: не былъ онъ на родинѣ своей въ селѣ Торкахъ лѣтъ 25 и вздумалъ побывать и пришлось ему пріѣхать въ то самое время, когда маменька моя собиралась ѣхать въ Ярышево для смотра въ Воймигѣ невѣсты Новосельской. Не утерпѣлъ онъ и пріѣхалъ. Въ Воймигѣ же тоже была невѣста, но уже сосватанная, какъ богатая, за студента Ивана Матвѣевича Архидіа-

конскаго. Отецъ діаконъ, какъ сватъ, просилъ Воймицкихъ привезти Новосельскую невѣсту для смотра къ нимъ. Они согласились и къ назначенному дню обманомъ привезли изъ Новоселки невѣсту Ольгу Семеновну, сказавъ ей, что къ Олимпіадѣ Меѳодіевнѣ (Воймицкой невѣстѣ) пріѣдетъ женихъ, на котораго ей хотѣлось очень посмотрѣть. Съ охотой она поѣхала, но, пріѣхавши, узнала обманъ и начала плакать (видно ей не хотѣлось идти за меня). Ей приказано было рядиться, но она и слушать не хотѣла. Пріѣздъ дяди московскаго устрашилъ ее и заставилъ готовиться къ пріѣзду жениха съ дядей московскимъ (Какъ сильно дѣйствуетъ Москва на деревню). Мы пріѣзжаемъ, принимаютъ насъ ласково, выводятъ ко мнѣ двухъ невѣстъ: Воймицкую и Новосельскую. Московскому дядюшкѣ очень понравилась Новосельская и онъ мнѣ совѣтъ далъ поступить въ Новоселку, не взирая ни на бѣдность прихода, ни на бѣдность невѣсты, ни на многихъ сиротъ, о которыхъ я долженъ, по праву обязательства, заботиться. Маменькѣ моей совѣтъ дяди не нравился, такъ какъ она предвидѣла, что ей съ сиротами не совсѣмъ хорошо будетъ, а у ней только и надежды было на меня. Дядя рѣшительно сказалъ ей: сестра, не плачь, ты не будешь оставлена, а мнѣ понравилась очень невѣста, да и приходъ, хоть маленькій, но не плохъ, и тутъ же сталъ рѣшать дѣло, и рѣшились, написали условіе, по силѣ котораго я долженъ поступить въ Новоселку, и они должны принять меня.

(Условіе нужно было потому, что мы не надѣялись еще на согласіе архіерея, такъ какъ ей было еще только 15$^1/_2$ лѣтъ, а я, вмѣсто казенныхъ 3-хъ лѣтъ, прослужилъ въ дьячкахъ только всего полтора года). Пропѣли Достойно, я поцѣловалъ свою невѣсту и сѣлъ съ ней рядомъ за столомъ. Если бы въ это время былъ фотографъ, интересная бы карточка вышла. Я не смѣлъ, а она еще пуще не смѣла, на насъ же всѣ обращаютъ вниманіе. Покончивши дѣло, мы отправились въ Ярышево. Наше дѣло совсѣмъ, остается ѣхать во Владиміръ и просить милости архіерейской. Поѣхалъ я съ нареченной тещей во Владиміръ; у ней былъ родственникъ—въ то время сильное лицо, Иванъ Ивановичъ Бережковъ—частный приставъ. Онъ былъ короткій пріятель архіерейскому секретарю Василію Ивановичу Лебедеву, который все дѣло наше и произвелъ какъ нельзя быть лучше. Архіерей благословилъ нашъ союзъ, не видавши меня, и я тутъ же получилъ билетъ изъ консисторіи на вступленіе въ бракъ. Съ радостію отправились домой, гдѣ насъ встрѣтили ласково. Погостивши нѣсколько у невѣсты, я отправился въ Пьянцино, гдѣ предъявилъ, что я уже болѣе не дьячекъ вашъ. Не вытерпѣлъ о. Іаковъ Поэловскій; слышалъ онъ стороной, что Пьянцинскій дьячекъ совсѣмъ сдѣлался съ Новосельской невѣстой. Не вѣритъ, пріѣзжаетъ самъ ко мнѣ и я ему объяснилъ, что мое дѣло съ Новосельской невѣстой окончено и архіерей благословилъ. Призадумался отецъ Іаковъ, но дѣлать нечего, про-

стился со мной, а я поблагодарилъ его за радушіе и любовь и послалъ поклонъ своей прежней невѣстѣ Надеждѣ Яковлевнѣ, которая, какъ я слышалъ отъ вѣрныхъ и близкихъ къ ней людей, когда я отправился во Владиміръ, не спала ночи, плакала и молилась Богу, чтобы мое дѣло съ Новосельской раздѣлалось. Но не судилъ такъ Богъ. Видно Господь попекся обо мнѣ (Поэловская невѣста, вышедши замужъ, вскорѣ, чрезъ годъ, лишилась мужа, а еще чрезъ годъ и сама померла).

Покончивши всѣ дѣла въ Пьянцинѣ, я простился съ нимъ и съ своимъ дорогимъ товарищемъ священникомъ И. П. Спасскимъ, съ которымъ я жилъ во все время подружески, и уѣхалъ въ Новоселку къ своей дорогой невѣстѣ Ольгѣ Семеновнѣ. Это было великимъ постомъ, такъ что за распутицей я вынужденъ былъ прожить у нихъ недѣли три. Свадьбу сыграть условились въ Ѳомино воскресенье. Не безъ дѣла я жилъ у нихъ, кое-что и подѣлывалъ, а главное удѣлалъ разломанную кровать. Вечерами сидѣлъ съ своей невѣстой на крыльцѣ, разговаривая кое о чемъ. Приближалось время свадьбы и я вынужденъ былъ идти на родину къ матери своей и позвать родныхъ на свадьбу. Пунктъ собранія гостей назначенъ въ Ярышевѣ. Въ Ѳомино воскресенье я отправился съ матерью и родными (свящ. села Торокъ о. Іоаннъ Виноградовъ и тетка старуха—теща его) въ Ярышево, гдѣ собралась уже вся моя родня, оттуда гуломъ отправились въ Новоселку. Дорога грязная, дождь какъ изъ ведра;

мы всѣ промокли, я все пѣшкомъ шелъ и не ѣвши; отецъ Іоаннъ, который долженъ вѣнчать насъ, довольно выпивши и всѣ гости пьяные, мокрые и грязные. Такой интересный поѣздъ въѣхалъ въ село Рыковскую Новоселку. Промокъ я и озябъ. Перемѣнилъ я бѣлье, принесли мнѣ другое полукафтанье и я отправился въ деревянный храмъ, гдѣ должно совершиться таинство брака. Вводятъ невѣсту всю въ слезахъ; началось священнодѣйствіе. О. Іоаннъ Виноградовъ, бывши довольно пьянъ, не могъ безъ указки вѣнчать насъ и для него былъ указкой заштатный священникъ временно исправлявшій должность въ Новоселкѣ о. Аѳанасій (чудакъ, оберъ-гвоздокъ по чудесному). Бракъ совершенъ 15 апрѣля 1862 года; отправились въ домъ ликовать. Что было во время свадьбы, упомнить не могу. Послѣ утомительной поѣздки я съ удовольствіемъ проспалъ ночь часовъ до 8-ми. И такъ я сдѣлался уже изъ жениха мужемъ! Чрезъ недѣлю я съ своей молодой женой отправился играть свадьбу въ Воймигу—это было въ Мироносицкое воскресенье. Послѣ этой веселой и богатой свадьбы я пѣшкомъ отправился во Владиміръ для посвященія, которое и совершилось 6 мая 1862 года, а 8 мая въ Новоселкѣ храмовой праздникъ, на который мнѣ очень хотѣлось поспѣть.

6. Жизнь моя въ санѣ священника въ селѣ Рыковской Новоселкѣ.

Шелъ я очень торопливо и пришелъ въ Новоселку — въ свой новый приходъ наканунѣ праздника

прямо ко всенощной, которую и служилъ подъ руководствомъ заштатнаго священника о. Аѳанасія. Дико показалось мнѣ сначала, но интересно. Утромъ приготовившись къ священнодѣйствію, совершилъ первую литургію и принесъ безкровную жертву за себя, за родственниковъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. Собралисъ ко мнѣ гости и съ моей стороны и со стороны моей жены. Собралось много. Отпраздновавши праздникъ, я сталъ всматриваться въ жизнь свою. Вижу во всемъ недостатокъ, ничего нѣтъ, все развалилось и требуетъ немедленной поправки. Одежды хорошей какъ у меня, такъ и у жены моей нѣтъ. Семейство большое—самъ девятъ; приходъ небогатый, лучшая земля вся отдана въ деньги, а худшая запахана исполу; шуринъ Викторъ и братъ мой Дмитрій учатся въ училищѣ и находятся на моемъ содержаніи, вскорѣ поступилъ въ училище и второй шуринъ Александръ. Жить мнѣ тяжело. Но я не унывалъ, а на Бога уповалъ. Принялся за дѣло, но не знаю, за какое прежде нужно приняться. Сначала купилъ я жеребенка, сосуна, потомъ началъ строить телѣгу самъ, выростилъ жеребенка, завелъ кое-какую сбрую и сталъ ѣздить на своемъ конѣ; но недолго я ѣздилъ, вскорѣ продалъ и купилъ уже здоровую лѣтъ 8-ми лошадь и сталъ на ней пахать землю руками работника. Перестроилъ дворъ, вычинилъ пятистѣнный домъ и покрылъ его новымъ тесомъ, и поднялъ его, поставилъ на каменные столбы, перемѣнилъ полъ и потолокъ, устроилъ изразцовую печь, а послѣ и

простую, зимнія рамы сдѣлалъ самъ и самъ же выстрогалъ полъ и выкрасилъ его, чтобы легче было мыть; и перешелъ въ него жить, а кухня сдѣлана кладовой. Перенесъ сарай на другое мѣсто и вдвое болѣе его сдѣлалъ, перестроилъ житницу, устроилъ погребъ и баню. 13 слишкомъ лѣтъ я жилъ въ Новоселкѣ и вся жизнь моя проходила почти въ поправкѣ стараго, устройствѣ новаго и заведеніи всего необходимаго крестьянства. Не дешево мнѣ стоили эти постройки; много вымотали онѣ изъ меня силъ, много отняли у меня средствъ. Подоспѣла свояченица Зинаида; опредѣлили ее въ открытое епархіальное женское училище, а тутъ пошли свои дѣти. Трудно мнѣ было; средствъ не хватало, приходилось все занимать. Два шурина и братъ выключены и разошлись по мѣстамъ, но все же много приходилось мнѣ хлопотать и тратить на нихъ, а особенно на брата Дмитрія, средствъ. Померла моя маменька и сестра моя Наталья, которая жила съ ней, пришла ко мнѣ жить (впрочемъ они, мать и сестра, пользовались отъ меня всѣмъ и я содержалъ ихъ, хотя онѣ и не жили со мной); но по счастію моему и ся, ее взялъ къ себѣ въ Москву добрѣйшій мой дядюшка Ѳедоръ Яковлевичъ и тамъ пристроилъ ее, выдавъ за псаломщика въ село Сельцо Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, Петра Яковлевича Архангельскаго

По недостатку средствъ и по многочисленности семейства трудна была моя жизнь въ экономическомъ отношеніи; но этой бѣдности и стѣснитель-

ному положенію я приношу сердечную благодарность. Бѣдность и нужда были лучшими учителями моими во всей моей жизни. Онѣ научили меня, неумѣющаго ничего, дѣлать все. Я по милости нужды сдѣлался столяромъ, маляромъ, портнымъ, сапожникомъ, башмачникомъ,—словомъ, дѣловымъ человѣкомъ, да кромѣ того я отъ работы сталъ поправляться здоровьемъ, которое у меня, вѣроятно. по милости физическаго бездѣйствія и усидчивой работы—чтенія и письма, было очень слабо.

Болѣе всего меня тяготили праздники 8-го мая и 26 сентября. Жилъ я почти что среди всѣхъ родныхъ; праздники же наши были въ самое свободное отъ работъ время. Гостей наѣзжало множество изъ Воймиги, Ярышева, Огренева, Торовъ, Парши, Рыкова. Кромѣ родныхъ у меня было знакомство съ Рыковскимъ священникомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ В—мъ († 1900 г.), который мнѣ, по справедливости сказать, былъ первый врагъ и пакостникъ, — съ Лычевскимъ священникомъ, Н. Л. С-мъ, тоже не совсѣмъ-то хорошимъ доброжелателемъ, потомъ съ помѣщиками села Лычева Леонидомъ Николаевичемъ г. Парскимъ и А. Е. Л—мъ; г. Парскій былъ кумомъ—воспріемникомъ 2-го моего сына Александра. Гости всѣ, исключая помѣщика Парскаго, отличались большою охотою къ выпивкѣ и, отчасти, безобразіемъ, такъ что на первыхъ порахъ моего хозяйства приходилось мнѣ имѣть съ ними сильную войну, благодаря которой, хоть и не скоро, но все-таки могъ учредить празд-

ничный порядокъ и благочиніе въ своемъ домѣ. Не могу и теперь безъ жалости вспомнить этихъ большихъ и лишнихъ тратъ на праздники, или лучше сказать на излишнее пьянство.

Съ крестьянами прихожанами жилъ я въ мирѣ и согласіи, старался по возможности обращаться съ ними ласково, снисходительно; въ требахъ не притѣснялъ, часто вѣнчалъ браки безъ денегъ, *вдолгъ*, чего прежде никогда не случалось, и, благодаря добросовѣстности крестьянъ, никогда не былъ отъ того въ убыткѣ. Мнѣ хотѣлось всячески искоренить злую поговорку крестьянъ, что „попъ съ живого и мертваго деретъ“.

Все шло своимъ чередомъ, мирно и спокойно. Вдругъ правительство, заботясь объ улучшеніи быта священно-церковно-служителей, дѣлаетъ запросъ о количествѣ доходовъ, получаемыхъ священно-церковно-служителями отъ прихожанъ, земель и всѣхъ статей. Благочиннымъ былъ въ это время села Загорья священникъ Петръ Ивановичъ Озерецкій (умеръ неестественною смертію на рѣкѣ зимой, ѣхавши изъ гостей отъ племянника своего, учителя Городищенскаго училища Поліевкта Өедоровича Назаретскаго). Дѣло было передъ масляницей. Я, не желая долго держать запросы правительства, написалъ отвѣтъ и препроводилъ къ благочинному, который былъ въ большомъ союзѣ и дружбѣ съ Рыковскимъ священникомъ Өедоромъ В., по совѣту коего и еще своего шурина, села Ч—ыхъ Г—щъ священника А. П. Б—ва, пригласилъ всѣхъ священни-

ковъ своего вѣдомства на собраніе по поводу недобросовѣстнаго заявленія дохода священникомъ с. Рыковской Новоселки Михаиломъ Лавровымъ, и обдумать—какъ лучше писать доходы: больше или меньше. По зову власти явились всѣ и я многогрѣшный виновникъ (беззаконнаго) собора. Оробѣлъ, но и не струсилъ. Я былъ въ душѣ увѣренъ, что показаніе мое написано вѣрно съ натуры, а что не подходитъ подъ рамку о. благочиннаго, такъ это не моя вина. Начинается разговоръ; благочинный, самъ недовольный моимъ показаніемъ, старается сбить меня съ толку; но я безъ боязни и открыто всѣмъ заявляю, что показаніе доходовъ писалъ я по совѣсти, что доходы моего прихода мнѣ лучше извѣстны, чѣмъ вамъ, и что я не намѣренъ іоты измѣнить въ своемъ показаніи, а разсуждать и обдумывать планъ—какъ писать показаніе доходовъ, больше или меньше,—дѣло недобросовѣстное. Соборъ кончился ничѣмъ и я остался при своемъ. Правительство дѣлаетъ другой запросъ о доходахъ и высылаетъ запросный листъ въ болѣе подробной формѣ противъ прежняго. Протоіерей г. Юрьева о. Ѳеодоръ Іосифовичъ Нечаевъ вызываетъ наше вѣдомство въ городъ Юрьевъ для написанія показаній подъ личнымъ его предсѣдательствомъ. Нужно замѣтить, что мое правдивое добросовѣстное показаніе доходовъ было не по сердцу всему духовенству. Явились всѣ и всѣ отцы нашего вѣдомства были какъ бы тростію скорописца о. Ѳедора В—го, исключая меня. Онъ всѣмъ управлялъ, онъ всѣмъ

давалъ ноту, какъ писать и что писать, о чемъ говорить, о чемъ умолчать, такъ что священникъ села Лычева, слушаясь магическаго слова о. Өедора В — го, прямо написалъ въ своемъ показаніи, что между Рыковымъ и Лычевымъ рѣчки нѣтъ и сообщеніе хорошее безпрепятственное, тогда какъ между этими селами на самомъ дѣлѣ течетъ небольшая рѣчка, не безопасная во время водополи. Конечно, цѣль о. Өедора была та, чтобы его приходъ былъ самостоятельный, а мой закрытъ. На собраніи всячески старался меня унизить и оклеветать и успѣлъ было. Требовалось доказать усердіе крестьянъ къ храму Божію. Я пишу въ своемъ показаніи, что прихожане въ пользу храма своего отдѣлили извѣстный клочекъ пахатной земли и съ него нажинаютъ до 6,000 (шести тысячъ) сноповъ ржи и столько же овса. Возмутился духъ почтеннаго о. Өедора и онъ прямо заявилъ, что я лгу. Положеніе критическое. На это собраніе были вызваны вмѣстѣ съ нами старосты церковные и уполномоченные отъ крестьянъ. Вызываютъ старосту моего для вѣрнаго показанія (старика Семена Яковлева— человѣка умнаго и дѣльнаго). Староста оробѣлъ, убоялся сказать сущую правду, опасаясь, какъ бы землю, отрѣзанную ими добровольно въ пользу церкви, совсѣмъ не отняли отъ нихъ, и заявилъ, что земли мы отрѣзали не много и нажинаемъ самую малость. О. Өедоръ торжествуетъ, а я сѣтую и открыто говорю, что староста лжетъ, показываетъ не по совѣсти и чтобы узнать всю истину, нужно спро-

сить его подъ присягой, или спросить весь міръ; такъ дѣло и замялось. Написалъ я показаніе и подаю о. протоіерею, который, прочитавши его, дѣлаетъ мнѣ такой запросъ: зачѣмъ вы показали такъ много дохода отъ земли? Затѣмъ, отвѣчаю я, что столько получаю. Покажите доходъ отъ земли согласно съ своими сосѣдами, напр. о. Ѳедоромъ Рыковскимъ. Благодарю Васъ, Ваше Высокопреподобіе, за совѣтъ, только осмѣлюсь Вамъ сказать, что аршинъ моего сосѣда о. Ѳедора не казенный и я имъ мѣрять не хочу. Покажите арендную цѣну своей земли? Не могу, потому что никогда не отдавалъ ее въ аренду, а всегда обработывалъ *испольнымъ* способомъ; дайте мнѣ недѣлю сроку и я Вамъ покажу арендный доходъ отъ земли. Что же ты сдѣлаешь въ недѣлю? Предложу крестьянамъ, по какой цѣнѣ они могутъ взять въ аренду десятину моей земли. Они могутъ дать теперь много. Тѣмъ лучше; я имъ и отдамъ ее и тутъ же я буду пользоваться небольшимъ улучшеніемъ. Задумался протоіерей. Съ сердцемъ, непріятностію взялъ изъ рукъ мое показаніе, я раскланялся и ушелъ.

Составилась въ Юрьевѣ коммиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ по улучшенію быта духовенства. О. Ѳедоръ В—ій опасается, что его приходъ будетъ причисленъ къ Рыковской Новоселкѣ; всячески старается и домогается быть депутатомъ въ этой коммиссіи, въ которую уже приглашенъ и назначенъ былъ депутатомъ села Парши священникъ Павелъ Герасим. Воскресенскій († 1886 г.). О. Ѳе-

доръ В—ій уговорилъ Воскресенскаго отказаться и уступить ему свое мѣсто въ коммиссіи, обѣщаясь приходъ Паршинскій сдѣлать самостоятельнымъ. Воскресенскій уступилъ ему свои права, а коммиссія пошла работать по плану о. Ѳедора. Почему? Потому что свѣтскимъ депутатамъ ни жарко, ни холодно, а потому они дали полный просторъ самому духовенству уладить дѣла̀, а депутаты духовные на свою ногу топора не положатъ. Вотъ и начали составлять приходы. Для того, чтобы цѣль депутата о. Ѳедора В—го была удобнѣе достигнута, нужда заставила сдѣлать въ вѣдомствѣ приходы съ настоятелями и помощниками. И вотъ образовались приходы: 1. Рыково-Лычевскій съ Новосельскимъ, въ Рыковѣ главная. 2. Кинобальско-Даниловскій съ Куминскимъ. 3. Кубаево-Лучинскій. 4. Шипилово-Старковскій съ Паршинскимъ. 5. Богородско-Дубенскій съ Загорскимъ. 6. Ѳедоровско-Горяинскій. 7. Ельцовско-Никульскій съ Ледневскимъ. Явились настоятели и помощники, явилась и неизбѣжная ссора и непріятность между ними. Между тѣмъ какъ приходы могли бы составиться и безъ помощниковъ. Такъ напр.: 1, Лычевскій съ Дубенскимъ, 2, Рыковскій съ Новосельскимъ, 3, Загорскій съ Добрячевскимъ, 4, Богородскій, 5, Ѳедоровскій съ Горяинскимъ, 6, Никульскій съ Елецкимъ, 7, Ледневскій съ Куминскимъ, 8, Кинобальскій съ Даниловскимъ, 9, Лучинскій съ Кубаевскимъ, 10, Паршинскій, 11, Шипиловскій съ Старковскимъ. Депутатъ В—ій достигъ своей цѣли: его приходъ сдѣ-

ланъ самостоятельнымъ, а Лычево и Новоселка приписными, законнѣе же всего Лычевскій приходъ долженъ быть главнымъ, какъ центральный, бóльшій и имѣющій менѣе препятствій въ сообщеніи съ соединенными приходами Рыковымъ, а особенно съ Новоселкой, отъ которой къ Лычеву нѣтъ ни рѣчки, ни оврага, а къ Рыкову двѣ рѣчки. Что же дѣлать, сила и солому ломитъ.—Новосельскіе крестьяне стали ходатайствовать предъ коммиссіей о самостоятельности своего прихода; и тутъ о. Ѳедоръ возмутилъ коммиссію противъ меня, приписывая мнѣ сочиненіе тѣхъ прошеній, которыя подавались крестьянами и которыя писаны и сочиняемы были крестьяниномъ Алексѣемъ Алексѣевымъ Воронинымъ, человѣкомъ умнымъ и дѣльнымъ. Одинъ депутатъ коммиссіи села С—на священникъ Алексѣй С—въ при встрѣчѣ со мной прямо назвалъ меня п....мъ. На вопросъ мой: за что? За то, чтó ты надѣлалъ въ коммиссіи? Ничего, отвѣчаю я. Какъ ничего? Такъ и ничего. Какъ же ты написалъ столько доходу въ Новоселкѣ? (525 р.). Развѣ это мыслимо? А вы-то сколько написали своихъ доходовъ, спрашиваю я. Конечно 200 руб. Позвольте съ Вами, милостивѣйшій и праведный депутатъ Юрьевской коммиссіи, рѣчь держать, кто изъ насъ п....ъ? Я, какъ Вамъ извѣстно уже, означилъ доходъ въ 525 р., изъ нихъ на мою часть 368 р. и дьячку 157. Вы, какъ знакомые и нѣсколько родня мнѣ, знаете мое семейство и положеніе; содержать такое семейство довольно трудно на такомъ доходѣ, но все таки

еще можно. Спрашиваю Васъ: вы-то какъ содержитесь на 140 руб.? А я вѣдь знаю, какъ вы живете. Вы изволите раза два въ день чай кушать, и водочка у Васъ въ ходу, имѣете капиталецъ въ банкѣ. Откуда у васъ все это? Мыслимо ли жить священнику съ семействомъ на 140 руб.? Ужъ не выходите ли Вы съ дубинкой на большую дорогу, которая отъ Васъ недалеко, и не грабите ли проѣзжихъ? А дьячекъ то какъ у Васъ живетъ?... Замолчалъ мой депутатъ. Рѣшился ли, говорю, теперь вопросъ, кто изъ насъ п....ъ?... Додумались ли? Стыдно, г. депутатъ Юрьевской коммиссіи, обманывать правительство и чернить невинныхъ и горькую правду говорящихъ людей!!!

Какъ бы то ни было, но коммиссія Юрьевская рѣшила признать церковь Рыковскую самостоятельной, а Новосельскую и Лычевскую приписными. Крестьяне Новосельскіе ходатайствовали предъ Юрьевской коммиссіей о самостоятельности своей церкви, но ходатайство ихъ осталось втунѣ; они наконецъ подали прошеніе Архіерею Архіепископу Антонію и въ прошеніи обѣщали внести 1000 руб. на улучшеніе быта и причта. Антоній уважилъ ихъ просьбу и обѣщалъ оставить въ ихъ селѣ священника. Время текло своимъ чередомъ; по росписанію приходовъ, я былъ помощникомъ, а настоятелемъ села Рыкова священникъ Өедоръ В—ій, отецъ же Н—й С—въ села Лычева,—сверхштатнымъ. Какъ то разъ предложилъ я своимъ крестьянамъ о выполненіи ихъ обѣщанія внести 1000 руб., или по-

крайней мѣрѣ о выдачѣ намъ—причту процентныхъ денегъ, грозя въ противномъ случаѣ перейти на другой приходъ. Прихожане не согласились на мое предложеніе; я подаю прошеніе на имя Преосвященнаго о понужденіи крестьянъ ко взносу капитала, обѣщаннаго причту, такъ какъ реформа состоялась и въ ихъ селѣ живетъ священникъ. Преосвященный Іаковъ далъ такую резолюцію: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ крестьяне должны внести капиталъ, въ противномъ случаѣ въ ихъ храмѣ закроется богослуженіе. Эта строгая резолюція привела крестьянъ въ сильное движеніе. Они начали ходатайствовать предъ Преосв. Антоніемъ о разсрочкѣ взноса, выставляя на видъ не малую затрату денегъ на позолоту иконостата. Антоній разсрочилъ.

Жить мнѣ въ Новоселкѣ стало тяжело. Я сталъ серьезно подумывать о переходѣ въ другой приходъ. Подавалъ прошеніе въ Загорье, Бутылицы, но промыслу Божію не угодно было мое желаніе, Онъ готовилъ меня на другое мѣсто, болѣе выгодное. Не мало переговоровъ у меня было съ о. Николаемъ Лычевскимъ, чтобы намъ кому нибудь выдти и тѣмъ улучшить свое положеніе. Переговоры наши какъ-то не клеились и мы, цѣлый годъ уговариваясь, не могли уговориться. Вдругъ недуманно-негаданно нечаянный случай и обстоятельство рѣшили мою участь ко благу моему и счастію моего семейства. Этотъ случай слѣдующій: въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года вызываюсь я съ о. Николаемъ благочиннымъ, села Парши священникомъ Павломъ Герасимови-

чемъ Воскресенскимъ для сдачи годичныхъ отчетовъ. Пріѣзжаемъ, а въ этотъ день Елецкій дьячекъ Григорій Миртовъ явился къ благочинному съ рапортомъ о смерти священника села Леднева Василія Ивановича Невскаго († 1875 г.) моего товарища по Семинаріи. Крестьяне ледневскіе уже совѣтовались съ благочиннымъ и обѣщали устроить домъ для священника. Благочинный, зная наше намѣреніе выдти въ другой приходъ, предложилъ намъ праздное мѣсто въ селѣ Ледневѣ. Мы оба не прочь отъ предложенія и изъ Парши, сдавши отчеты, отправились прямо къ о. Ѳедору В—му на совѣтъ, гдѣ рѣшили на выходъ кому либо изъ насъ выдать 300 руб. деньгами. А такъ какъ я заявилъ полное желаніе выдти изъ Новоселки, то и условіе написали на меня; впрочемъ не стѣснили и о. Николая, который тоже заявилъ свое желаніе. Условившись, я и о. Николай на утро рѣшились ѣхать во Владиміръ для подачи прошенія Владыкѣ. Подвода была готова—это пара лошадей, посланная о. Ѳедоромъ за своею дочерью во Владиміръ.

Пріѣхавши домой изъ Рыкова поздно вечеромъ, я тотчасъ призываю старосту мірскаго крестьянина Михаила Максимова и объявляю ему свое намѣреніе. Изумился староста. Говорю ему: завтра утромъ рано ѣду во Владиміръ, а потому мнѣ некогда самому говорить съ обществомъ; собери ты сходъ и предложи имъ: желаютъ ли они, чтобы я остался у нихъ или нѣтъ; если желаютъ, то вотъ мои предложенія: полжеребья сжать и скосить и уплатить

о. Николаю условленную сумму между нами на выходъ 150 руб. Если крестьяне согласятся на мои условія, то завтра посылайте мнѣ во Владиміръ письмо и я не буду подавать прошеніе, если же не согласны, то и не пишите никакого письма.

Утромъ рано ѣду я съ о. Николаемъ во Владиміръ, гдѣ уже Ледневскіе по предложенію благочиннаго дожидаются насъ. Справляюсь на почтѣ, —письма нѣтъ. Написалъ прошеніе и пошелъ съ о. Николаемъ ко Владыкѣ. На дорогѣ о. Николай совѣтовалъ мнѣ побывать у домашняго секретаря архіерейскаго Л. И. С—ва, который имѣлъ огромную силу при Архіереѣ, и дать ему 25 руб., чтобы вѣрнѣе имѣть надежду на выходъ, представляя въ резонъ то, что деньги даровыя. Я не согласился на предложеніе о. Николая и заявилъ, что если Богу угодно наше желаніе, то и безъ денегъ перейдемъ (признаюсь, не привыкъ пронырствомъ достигать цѣлей). Осерчалъ о. Николай, но я не обратилъ на его сердце никакого вниманія. Являемся въ пріемную Архіерея Антонія. Ледневскіе крестьяне уже объяснились со Владыкой, но тутъ же былъ и уполномоченный отъ Никульскаго прихода—какой-то дворовый человѣкъ Валерьянъ Васильевъ, который тоже съ прошеніемъ объ утвержденіи въ селѣ Никульскомъ священника, которому и домъ готовъ и даровая обработка земли. Является въ пріемную Антоній и о. Николай предупредилъ меня просьбой—объясняется съ Архіереемъ. Иду и я. На вопросъ Архіерея: объ чемъ? О томъ

же, о чемъ проситъ и сей священникъ. Объясняю ему всѣ свои обстоятельства. Внимательно выслушалъ меня Владыка и, взявъ у насъ прошенія, благословилъ насъ. Дѣло значитъ рѣшено, кому нибудь изъ насъ быть. Вдругъ Антоній обертывается и спрашиваетъ меня: какъ ваша фамилія? Лавровъ, говорю я, и тутъ же я догадался, что я избранъ и долженъ поступить въ Леднево. И дѣйствительно, не прошло и полчаса, секретарь выходитъ и спрашиваетъ: гдѣ священникъ Новосельскій? Здѣсь, говорю я. Счастливъ, счастливъ. А что? Ты переведенъ въ Леднево; только дивлюсь на Архіерея, никогда съ нимъ не случалось, чтобы онъ производилъ кого нибудь безъ справокъ, а тебя произвелъ. Перстъ Божій видно руководилъ Архіереемъ. И дѣйствительно, если бы онъ произвелъ справку, не быть бы мнѣ въ Ледневѣ, такъ какъ онъ самъ обѣщалъ Новосельскимъ крестьянамъ священника за взносъ 1000 руб. На моемъ прошеніи послѣдовала резолюція: Переведенъ священникъ Лавровъ въ село Леднево съ тѣмъ, чтобы и жилъ въ Ледневѣ.— Узналъ объ этомъ уполномоченный Никульскій и сталъ мнѣ предлагать выгодныя условія со стороны Никульскихъ крестьянъ, но я рѣшился покориться волѣ Архіерея. Ледневскіе крестьяне (Максимъ Дмит. Кокушкинъ и Семенъ Андреевъ Титовъ) ждали насъ, и согласились насъ довезти до Леднева. Пріѣзжаемъ въ Леднево, остановились въ домѣ Семена Андр. Титова, гдѣ былъ чай и закуска. Изъ Леднева дана намъ об-

щественная подвода до Новоселки. При приближеніи къ Новоселкѣ сердце у меня забилось, стало мнѣ грустно; дома я объявилъ, что переведенъ въ Леднево. Узнали объ этомъ и Новосельскіе крестьяне, но не хотѣли вѣрить; цѣлую недѣлю жилъ я и не вѣрили, что я уже не ихъ, а Ледневскій; только тогда повѣрили, когда я въ послѣдній разъ сказалъ въ храмѣ прощальное поученіе. Тутъ-то составился сходъ и ко мнѣ пришли съ предложеніемъ остаться у нихъ, обѣщаясь исполнить всѣ мои условія, но я отъ ихъ предложенія отказался, видя вполнѣ надъ собою дѣйствіе Промысла Божія. Простившись съ прихожанами, я 5 января 1876 года отправился въ свой новый приходъ въ село Леднево.

7. Жизнь моя въ селѣ Ледневѣ.

Поселился я жить на первыхъ порахъ въ домѣ дьячка Алексѣя Николаевича Ясминова. Жилъ я одинъ безъ семейства цѣлый мѣсяцъ; первая моя служба въ Ледневской церкви была 6-го января. Въ этотъ день пріѣхали навѣстить меня моя жена съ Авдотьей Михайловной Помеловой. Жизнь моя одинокая была скучная и я, чтобы чѣмъ нибудь разогнать скуку, занялся приведеніемъ въ порядокъ документовъ церковныхъ, которые насилу могъ собрать и привести въ должный порядокъ. Крестьяне между тѣмъ покупали для меня домъ послѣ о. Василія. Торги сошлись, купили его за 425 руб. и деньги отдали, а меня въ домъ опекунъ села Елецъ священникъ Артемій М—въ не пускаетъ, требуя съ

меня еще 10 руб. за навозъ, котораго вовсе не было. Не сталъ я ссориться изъ-за малости, внесъ деньги и перешелъ жить въ купленный домъ съ своимъ семействомъ; между тѣмъ вдовая попадья Глафира Невская съ своимъ опекуномъ изъ кухни вытащили всѣ лавки и полки, а со двора всѣ хлѣвы.—Первымъ дѣломъ моей жены было все привести въ порядокъ въ домѣ. Вымыли въ кухнѣ, стали мыть въ горницѣ и послѣ этого мытья въ горницѣ такая стала зараза, что нельзя и быть въ домѣ; вынуждены промыть другой разъ и стало полегче. Такимъ образомъ и сталъ я жить въ купленномъ крестьянами домѣ.

Въ началѣ жизнь моя была хорошая; все мнѣ нравилось: церковь близко, земля тоже, усадебная земля пространна, крестьяне добры. И сталъ я жить да прославлять Бога. Наступила весна, мнѣ захотѣлось узнать свою землю и я пошелъ съ дьячкомъ осматривать ее. Какъ только взошелъ на поле и вижу, что дьячекъ много обижалъ священниковъ въ землѣ. Всѣ лучшія мѣста земли и середки даны дьячку, а обрѣзки, края и клинья, да при томъ не въ столь удобныхъ мѣстахъ, даны въ надѣлъ священнику. Кромѣ того вижу, что полосы дьячка что-то велики и я предложилъ дьячку по новому раздѣлить поля, но онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался со мной. Доношу объ этомъ благочинному (села Парши священнику), но онъ, не знаю почему, не дозволилъ мнѣ сдѣлать новый раздѣлъ, а велѣлъ только отрѣзать лишки отъ дьячковыхъ полосъ,

если окажутся. Пошли мѣрять землю. Дѣйствительно, въ полосахъ дьячка оказалось очень много лишковъ, которые я и прирѣзалъ къ своимъ полосамъ. Разумѣется, дьячку стало непріятно и въ домѣ его пошелъ вопль, плачъ, посыпались проклятія на меня, рѣкой полились жалобы на меня предъ всѣми яко бы за обиду и притѣсненія. Дѣлать нечего, терплю. Пришло время сѣнокоса, и тутъ бѣда—многое отъ дьячка отошло мнѣ. Самъ дьячекъ и все его злое семейство вооружилось на меня. А мнѣ и горя мало. Но врагъ мой явился — это семейство дьячка, которое всегда, во всю мою жизнь, враждовало противъ меня и желало мнѣ зла. Богъ съ ними! Сталъ я заниматься хлѣбопашествомъ и работу производилъ помочами. Благодаря крестьянамъ, на первыхъ порахъ я утѣшался ихъ работами. Одно мое слово—и дѣло дѣлалось какъ нельзя лучше. Но года черезъ два доброта крестьянъ стала мѣняться; помочи стали для меня все труднѣе и труднѣе и я наконецъ сталъ сильно обременяться помочами. Народъ началъ меня обманывать; злыя рѣчи дьячкова семейства возмущали всѣхъ противъ меня, нѣкоторые изъ крестьянъ прямо мнѣ высказывали—зачѣмъ я обижаю дьячка. И дѣйствительно, изъ-за него я многаго лишался. Такъ напримѣръ: крестьяне, взявши покосъ, въ долю пустили дьячка, а мнѣ отказали. Горько мнѣ было, да дѣлать нечего, нужно терпѣть. Злоба дьячка и его ненавистнаго дома усилилась еще тѣмъ, что я отнялъ у дьячка ту власть и силу, которыя имѣлъ онъ особенно при предше-

ственникѣ моемъ о. Васильѣ Невскомъ, человѣкѣ слабомъ. . . . .

Вижу я, что въ приходѣ моемъ грубость и невѣжество, и мнѣ захотѣлось грубость смягчить, а невѣжество искоренить. Для этого я взялся открыть въ своемъ домѣ церковно-приходскую школу. Стариковъ нечего учить. Я знаю русскую пословицу: стараго учить, что мертваго лечить, а потому и вздумалъ я приняться за дѣтей ихъ. Объявляю крестьянамъ свое намѣреніе, но на зовъ мой мало откликнулось. Много званныхъ, но мало избранныхъ. Привели ко мнѣ въ школу только шестерыхъ мальчиковъ: Аѳанасія и Ивана Горшковыхъ, Николая Ксенофонтова, Степана Гаврилова, Іосифа Муратова и Козьму Титова. Я и этимъ радъ. Начинаю съ ними заниматься по звуковому методу. Такое ученье показалось дико крестьянамъ и многіе стали смѣяться надо мной и моими учениками, а многіе и ругали насъ, говоря, что такъ не выучатся дѣти никогда, а только будутъ мычать. Обидно, но дѣлать нечего,—терплю и ученикамъ своимъ велѣлъ терпѣть брань и всякія насмѣшки. Прошло недѣли двѣ, когда уже я ихъ приспособилъ къ звукамъ, начинаю ихъ учить по книгѣ, и мои ученики къ изумленію ихъ родителей и крестьянъ начали читать и писать, и поучившись до пасхи (это съ 27 января) не болѣе недѣли четыре или пять и то кое какъ, начали бойко читать и довольно красиво писать. Тутъ-то изумились всѣ крестьяне и съ удивленіемъ говорили мнѣ: ну, батюшка, не чаяли мы

этого, мы думали—наши дѣти зимъ пять проучатся и не выучатся читать. На другой годъ явилось много охотниковъ учиться у меня. Моя школа стала настоящей школой, учениковъ 12-ть. Тѣсно мнѣ стало въ кухнѣ съ ними; но дѣлать нечего, зиму съ трудомъ проучилъ въ кухнѣ. На слѣдующій годъ еще заявили многіе свое желаніе обучаться въ моей школѣ. Изъ кухни перехожу я съ учениками въ горницу, чѣмъ много оскорбилъ жену свою. Дѣло мое идетъ хорошо, только и въ горницѣ стало тѣсно. Братство Св. Вл. Князя Александра Невскаго въ 1880 г. приняло мою школу подъ свое покровительство и начало помогать мнѣ и деньгами и вещами. Спасибо ему. Вскорѣ послѣ этого, а именно 28 октября 1881 года попечительницей моей маленькой школы сдѣлалась дочь генерала Егорова дѣвица Анна Александровна Егорова, отъ которой щедрость полилась рѣкой. Школа моя ни въ чемъ не имѣла нужды. Каждому ученику выдавалось все нужное даромъ, какъ то—перья, бумага, чернила и все. Не нарадовался я на свою школу, учениковъ я любилъ, любили меня и они. Но вотъ наконецъ въ моей школѣ оказалось тридцать съ лишкомъ человѣкъ и горница моя не могла вмѣстить въ себѣ такое количество учениковъ, и я вынужденъ былъ обдумать планъ, какъ горю пособить. Выдумалъ явиться къ Архіерею и попросить у него дозволенія учить дѣтей въ теплой церкви. Архіерей мнѣ въ этой просьбѣ отказалъ, но далъ совѣтъ сдѣлать пристройку къ дому, на что обѣщалъ мнѣ выдать

изъ Братства 50 руб. Но что можно сдѣлать на 50 руб. въ нынѣшнее дорогое время? Пріѣхавши изъ Владиміра домой, написалъ попечительницѣ письмо, въ которомъ разсказалъ весь свой разговоръ съ Архіереемъ. Чрезъ полторы недѣли съ почты получаю повѣстку на полученіе 150 руб. Изумился я до нельзя; не зналъ я—отъ кого такая милость и на что. Не могъ я предполагать, чтобы попечительница прислала эти деньги, такъ какъ я въ письмѣ ее не просилъ о помощи. Являюсь за полученіемъ, и что же? деньги отъ попечительницы на устройство помѣщенія для школы. Спасибо ей! Въ головѣ моей сталъ строиться планъ объ устройствѣ особаго помѣщенія для школы. Узналъ я, что въ Юрьевѣ продается ветхое старинное деревянное строеніе, да еще въ Поэловѣ фабрика. Отправляюсь смотрѣть. Юрьевская стройка мнѣ полюбилась и я купилъ ее за 130 руб. Перевозка мнѣ стоила 25 рублей, нанялъ я плотниковъ за 100 руб. и училище мое устроилось какъ нельзя лучше. Помѣщеніе для занятій просторное (инспекторъ призналъ достаточнымъ для 40 человѣкъ), для учителя—тоже не тѣсное. На устройство училищнаго зданія израсходовалъ я до 500 руб. При устройствѣ я испыталъ отъ крестьянъ не мало непріятностей. Во первыхъ, я сталъ просить у нихъ для зданія мѣсто, которое для нихъ ничего не стоило,—съ большою неохотою дали его, вѣроятно—имѣли въ виду спить съ меня вино, но этого не получили. Потомъ, когда плотники кончили дѣло и мнѣ нужно съ ними раздѣлаться, денегъ у меня не было

ни копѣйки и я обратился съ просьбою къ крестьянамъ, чтобы они дозволили мнѣ взять изъ церкви 100 руб. для уплаты плотникамъ, на двѣ недѣли, чрезъ которыя я обѣщался непремѣнно уплатить, имѣя въ виду доходъ въ Пасху; крестьяне дерзко отказали мнѣ. Богъ съ ними! Дѣло обошлось и безъ нихъ, плотнику деньги уплачены; только досадно мнѣ, что для ихъ же дѣтей тружусь, и они мнѣ отказали въ помощи. Устроивши довольно хорошее и просторное помѣщеніе, я задумалъ свою церковно-приходскую школу сдѣлать земской. Сталъ я ходатайствовать объ этомъ въ Земской Управѣ. Земское собраніе 25 окт. 1883 г. уважило мою просьбу, только велѣло мнѣ доставить мірскій приговоръ объ обязательствѣ топить и нанять прислугу для училища. Дорòгой думаю себѣ: ужели общество откажетъ мнѣ въ листѣ бумаги? (всѣ эти обязательства бралъ я на себя). Чтоже вышло? Приговора мнѣ дать не хотѣли. Толковалъ я съ ними до полуночи (25 ок.) и насилу могъ убѣдить ихъ дать приговоръ. Нашлись въ обществѣ два негодяя: Иванъ Матвѣевъ Трифоновъ и Адріанъ Онисимовъ Зайцевъ, которые наотрѣзъ отказались дать приговоръ и многихъ сбивали съ толку. Приговоръ написали, но мнѣ не дали, а потребовали отъ меня росписку, засвидѣтельствованную благочиннымъ, въ томъ, что я съ нихъ не потребую того, въ чемъ они по приговору обязались, а все беру на свою отвѣтственность. Такую росписку я далъ и думалъ, что они уже мнѣ дадутъ приговоръ въ руки. Не тутъ-то было!

Они выбрали изъ себя двоихъ уполномоченныхъ: Александра Өедорова Зайцева и Ксенофонта Евимова, которые и поѣхали со мной въ Юрьевъ, чтобы тамъ спросить кое-кого — нѣтъ ли какого обмана. Многихъ они спрашивали и всѣ имъ говорили, что тутъ кромѣ хорошаго ничего нѣтъ и не будетъ. Тогда-то ужъ эти уполномоченные и вручили мнѣ свой мірскій приговоръ.

И мое училище съ 10 ноября 1883 г. стало земскимъ. Учитель присланъ изъ Новинской учительской семинаріи, родомъ костромичъ, дьяческій сынъ, Николай Александровичъ Бѣляевъ, молодой человѣкъ. Пріѣхалъ онъ 2 декабря, а ученье началось съ 12 декабря. Учениковъ набралось 46 человѣкъ изъ разныхъ селъ и деревень.

Жить мнѣ тяжело стало, когда я отдалъ въ училище дочь Машу и сына Сашу. Много хлопотъ и расходовъ требовалось для нихъ. Все-таки концы съ концами сводилъ. Маша вышла изъ училища, на мѣсто ея поступила Лиза. Саша и Лиза стояли на квартирѣ у шурина Александра Семеновича. Не дешево мнѣ стоило содержать ихъ. Въ 1884 г. поступила въ училище Юлія. Тягость для меня прибавилась. Не знаю, что-то будетъ, какъ-то придется мнѣ жить. На Бога вся моя надежда!...

Въ 1884 г. великимъ постомъ убѣдилъ я своихъ прихожанъ устроить мнѣ новый домъ. Вывезли и срубы пятистѣнные; но вдругъ весной отказались отъ устройства. Меня не мало удивилъ ихъ отказъ, просилъ ихъ объяснить причину, но они скрывали

все отъ меня. Однажды на сходѣ мнѣ объяснили, почему отказались строить домъ, а именно: 1., потому что слышимъ, всѣ приходы будутъ по старому 2., настоятель ждетъ времени моего выхода и хочетъ изъ Елецъ перейти въ Леднево, 3., дьячекъ говоритъ, если священнику устроите домъ, и мнѣ обяжутъ васъ устроить, и наконецъ 4., если въ Никульское дадутъ священника, а къ намъ нѣтъ, то изъ Никульскаго скоро перейдетъ же къ намъ. Дѣло объ устройствѣ дома дошло до Архіерея, который прислалъ указъ, что если прихожане нынѣшнимъ 1884 годомъ не починятъ домъ такъ, чтобы можно было прилично прожить священнику до весны 1885 г., и если въ 1885 г. не устроятъ новаго дома, то епархіальное начальство вынуждено будетъ предоставить причту право искать себѣ другой приходъ. Указъ не имѣлъ никакого дѣйствія, крестьяне стоятъ на одномъ: не будемъ строить домъ, доколѣ не сдѣлаетъ съ нами священникъ сдѣлку. На сдѣлку я не согласился, считая для себя эту сдѣлку низостью. Лѣтомъ познакомился я съ фрейлиной Дарьей Ѳедоровной Тютчевой, которая въ моихъ обстоятельствахъ приняла дѣятельное участіе. Она прислала мнѣ 100 руб. съ тѣмъ, чтобы крестьяне охотнѣе согласились устроить новый домъ, но и это для нихъ ничего не значило. Тютчева мнѣ совѣтовала обратиться къ мировому судьѣ и чрезъ него требовать исполненія условій по приговору. Мировой судья сказалъ мнѣ, что я заставлю исполнить крестьянъ все, что написано въ приговорѣ; но при-

говора у меня не было и нужно мнѣ выправлять его изъ консисторіи. Такъ дѣло и продолжалось до первыхъ чиселъ октября. Въ это время, именно 2 окт., я выправилъ изъ консисторіи копію съ приговора, ходилъ къ Архіерею, объяснилъ ему все, что касалось этого дѣла, и Архіерей только обѣщалъ мнѣ дать другое мѣсто. Вечеромъ того же дня былъ я у типографщика П. Ѳ. Новгородскаго, который мои поученія отослалъ въ Петербургъ для цензуры.

На этомъ автобіографія о. Михаила Лаврова и кончается. Впрочемъ, добавить къ ней и самъ авторъ могъ бы не многое: 11 января 1885 г. онъ скончался отъ воспаленія легкихъ и мѣсто его въ с. Ледневѣ въ мартѣ того же года занялъ зять о. Михаила, студентъ Семинаріи М. И. Лебедевъ.— Поученія о. Лаврова увидѣли свѣтъ Божій уже послѣ его смерти,—въ мартѣ 1885 г. они были процензурованы въ С.-Петербургѣ и въ томъ же году во Владимірѣ изданы подъ заглавіемъ: «Простонародныя поученія и рѣчи, сказанныя священникомъ. Юрьевскаго уѣзда, села Леднева Михаиломъ Лавровымъ. Поученія на разные случаи». Губ. г. Владиміръ. Типографія П. Ѳ. Новгородскаго. 1885. 8⁰. 123+III стр. Ц. 50 к. Въ книгѣ всего 31 поученіе.

Поученія эти, написанныя для крестьянъ простымъ, вполнѣ понятнымъ языкомъ, отличаются искренностью убѣжденій ихъ автора, тою правдивостью и задушевностью, которыя были присущи

ему на всемъ сравнительно недолгомъ жизненномъ пути. Не потеряли они своего значенія и теперь.

О. Михаилъ Лавровъ досуги свои иногда посвящалъ и писанію стиховъ. Конечно, къ этимъ стихотвореніямъ нельзя предъявлять особыхъ требованій, —это порывы любящей души, вылившіеся на бумагу подъ вліяніемъ того или иного событія. Изъ нихъ мы приводимъ здѣсь два.

I.

Къ священнику села Подберезья, о. Дмитрію Фаворскому, лишившемуся своей жены отъ грома 15 іюля 1883 года.

Молнія блеснула
И твоя жена
Вѣчнымъ сномъ заснула
Громомъ сражена.

*
* *

Ты лишенъ подруги,
Сдѣлался вдовцомъ.
Помолимся, други,
О немъ предъ Отцомъ,

*
* *

Чтобы онъ вдовство свое
Богу посвятилъ
И пути къ соблазну
Отъ него закрылъ.

*
* *

Промыслу угодно
Дать ему сей крестъ,—
Пускай же имъ правитъ
Судьбы Божьей Перстъ.

*
* *

Путямъ Божья Промысла
Покорися весь...
Храни тебя Господи,
Доколь живешь ты здѣсь.

*
* *

Помолимся, братіе,
Предъ Богомъ Творцомъ,
Чтобъ Онъ убіенную
Наградилъ вѣнцомъ,

*
* *

А собрата нашего
Горькаго вдовца
Хранилъ бы отъ слабости
До жизни конца.

*
* *

II.

Во время разлуки съ женой.

Томился духъ мой на просторѣ
Безъ Оли милой дорогой,
И былъ я какъ въ неволѣ,
Какъ плѣнникъ точно я какой.

*
* *

Въ утѣху были мнѣ и дѣти:
Евгенъ, Сережа и Леонъ,
И Маша, и красотка Юля,
Но все спокоя я лишенъ.

*
* *

Какая тайна тутъ сокрыта,
Что духъ унынья овладѣлъ
Моей душой, и мной забыта
Утѣха прежнихъ дней, и я скорбѣлъ?

*
* *

Всей грусти и тоски моей
Причиною была
Разлука съ милой, дорогой
Съ красавицей женой.

*
* *

Не спалась ночь, и день со вздохомъ
Въ дѣлахъ своихъ я проводилъ:
То я писалъ, то я читалъ,
То объ училищѣ мечталъ.

*
* *

Но главная мечта
Въ душѣ была одна,
Конечно та:
Любимая жена.

*
* *

Любилъ ее,
Привыкъ я къ ней,
Не могъ быть безъ нея
Безъ грусти и тоски объ ней.

*
* *

Обѣтъ даю себѣ впередъ
Не разлучаться никогда,
Доколѣ жизнь наша течетъ,
И вмѣстѣ быть всегда.

2007111355